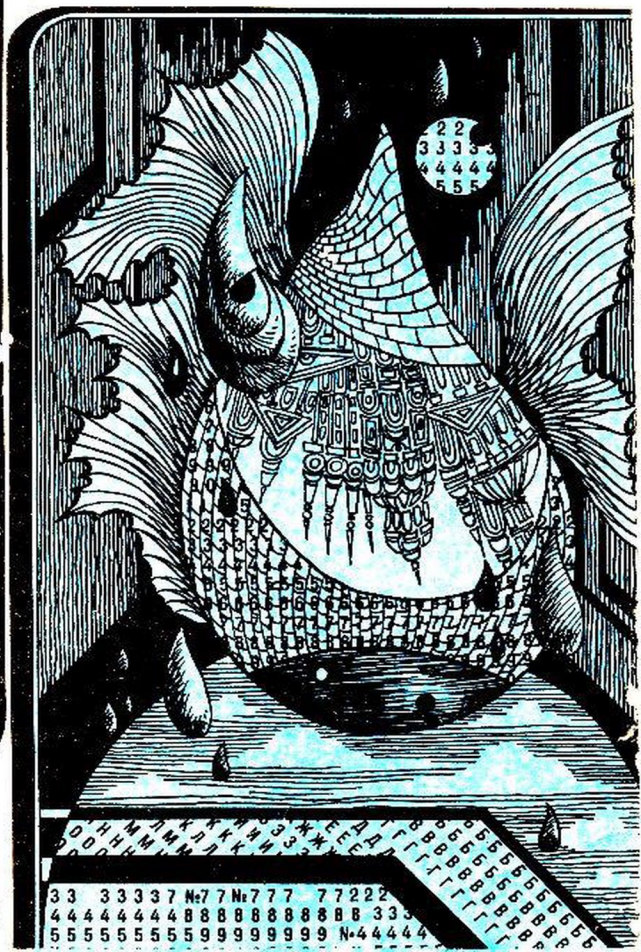
СОЛЯРИС

ВЫПУСК

1

1990



Без своей жизни. Упасть замертво

Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Дональд Саймак. Без своей жизни. Упасть замертво
БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ
УПАСТЬ ЗАМЕРТВО
В.КАН. ОСНОВАТЕЛЬ ГОРОДА
КЛИФФОРД Д.САЙМАК

Аннотация

«Без своей жизни»

В небольшом фермерском поселке не везло всем, кроме Энди Картера. Мальчишки, пусть даже съехавшиеся с разных планет, всегда мальчишки, они не могут не интересоваться тем, что творится вокруг. Как же здорово, когда новый друг обладает необычным талантом и видит то, что невидимо даже взрослым…

«Упасть замертво»

Экспедиция приземлилась на девственной планете, открыв люк они обнаружили вокруг себя стадо обитателей местной флоры и фауны - куставров - неправдоподобных существ, управляемых не разумом, а бактериями. Спустившись на планету и вдохнув её воздуха, они ещё не знали, что подписали себе смертный приговор, смертный приговор в бессмертие!

Клиффорд Дональд Саймак
Без своей жизни. Упасть замертво

КЛИФФОРД Д. САЙМАК

БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

УПАСТЬ ЗАМЕРТВО

Ленинград
1990 г.

БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Мама с папой ссорились. Не то, чтобы очень всерьез, но шумели они изрядно. Их перебранка длится уже несколько недель.

- Не можем мы вот так сразу, бросить все и уехать! - громко сказала мама. - Так дела не делаются. Надо подумать хорошенько, прежде чем срываться с места, где провел всю свою жизнь.

- Я уже думал! - еще громче ответил папа. - Много думал! С того дня, как инопланетяне начали путаться под ногами. Вчера еще одно семейство приехало и поселилось в доме, где раньше жили Пирсы.

- Откуда ты знаешь, что на какой-то Фермерской планете нам будет лучше? - спросила мама. - А если окажется еще хуже?

- Хуже, чем здесь просто не бывает! Если бы нам хоть в чем-то везло! Честно скажу, мое терпение вот-вот лопнет!

Ей богу, папа ни вот настолько не. преувеличивал, говоря о нашем невезении. Помидоры в этом году не уродились, сдохли две коровы, медведь не только сожрал весь мед, но и разломал ульи…

Вдобавок испортился трактор и его ремонт встал нам в семьдесят восемь долларов и девяносто центов.

- Каждому в чем-то не везет, - упрямилась мама.

- Каждому, только не Энди Картеру! - взвился папа. - Как это получается, только все ему нипочем, за что бы он ни взялся. По-моему, если Энди даже в лужу шлепнется, подымется из нее, усыпанный алмазами.

- Ну я не знаю... - мама пожала плечами, - еды нам хватает, голыми не ходим, и крыша над головой имеется. Может, в наше-то время не стоит ждать от жизни большего.

- Почему не стоит? - ответил папа. - Человек не может довольствоваться только тем, чтоб сводить концы с концами. Я ночами не сплю, голову ломаю, что бы такое сотворить, да как бы нам жизнь улучшить. Чего только не придумывал - ничего не вышло. Даже с адаптированным марсианским горохом. Посадил его на песчаном участке, не почва - золото. Прямо-таки специально насыпана для марсианского гороха... Ну и как, выросло хоть что-нибудь?

- Нет, - ответила мама, - насколько я помню, нет.

- А на следующий год Энди Картер посадил тот же самый горох на том же самом месте, только за забором. Так он унести не мог свой урожай!

Это уж точно. Да и что касается фермерской сноровки - разве может Энди сравниться с папой? Только за что бы папа ни брался, ничего не получалось. Но стоит Энди повторить вслед за папой - все выходит как нельзя лучше.

Впрочем, это касается не только нас, но и всех наших соседей. Все в прогаре, один Энди в выигрыше.

- Запомни, - повторил папа, - еще одна неудача, и я бросаю это дело. Попытаемся начать все сначала на какой-нибудь из Фермерских планет...

Дальше можно было не слушать.

Я незаметно выскользнул за дверь и, шагая по дороге, с сожалением подумал, что когда-нибудь он действительно решит эмигрировать, как многие наши старые соседи.

Может, переселиться на новое место не так и плохо, но, когда я прикидывал, что для этого придется покинуть Землю, мне становилось не по себе. Все эти планеты страшно далеко, и неизвестно, хватит ли у нас сил вернуться, если там не понравится? Кроме того, здесь все мои друзья. Конечно, они инопланетяне, только мне с ними

очень интересно.

От этой мысли я даже слегка вздрогнул, впервые ясно представив, что все мои друзья - инопланетяне. Мне с ними так здорово, что я никогда не задумывался, кто они.

Мне казалось немного странным, когда папа с мамой говорили, что скоро на Земле народу станет меньше - ведь все покинутые хозяйства по соседству покупали инопланетяне. У них просто выбора нет - все внешние колонии Земли для них закрыты.

Я как раз проходил мимо фермы Картеров и углядел, что в саду деревья буквально ломятся под тяжестью плодов. Я подумал, что надо будет сюда заглянуть, когда они дозреют. Конечно, в таких делах следует осторожничать, потому что Энди Картер - человек очень противный, а садовник его, Оззи Бернс - и того хуже. Помню, Энди однажды нас накрыл, когда мы забрались к нему за дынями, и я, удирая, запутался в колючей проволоке. Энди меня тогда поколотил, на что, собственно, имел право, но чтобы идти к папе и требовать с него за эту пару дынь семь долларов... Папа заплатил, а потом выпорол меня почище, чем Энди.

Выпорол и сказал, что Энди не сосед, а сплош-

ное расстройство. Правильно сказал.

Я дошел до дома, где раньше жили Адамсы, и увидел во дворе Чистюлю. Он висел в воздухе и подбрасывал старый баскетбольный мяч. Мы зовем его Чистюлей, потому что не можем выговорить настоящего имени. Некоторых инопланетян очень странно зовут.

Чистюля был нарядным, как обычно. Он всегда нарядный, потому что, когда играет вместе с нами, не пачкает одежду. Мама меня ругает, почему и я не могу быть таким же чистым и опрятным. А я ей отвечаю, что чистым легко оставаться тому, кто висит в воздухе, а не ходит по земле. Ведь если Чистюля хочет швырнуть в вас комком грязи, ему не нужно даже руки пачкать.

В это воскресенье на нем была голубая рубашка, вроде как шелковая, и красные штаны - похоже, бархатные, а светлые волосы он перевязал зеленой лентой, которая развевалась на ветру. На первый взгляд Чистюля немножко напоминал девчонку, но не советую ему об этом говорить, он вам не простит. Я в этом убедился на собственной шкуре в первый же день, как мы познакомились. Он вывалял меня в грязи и даже пальцем ко мне не притронулся. Сидел себе по-турецки в воздухе, футах в трех от земли, со сладенькой улыбочкой

на противной роже, а светло-желтые волосы развевались по ветру… Хуже всего было то, что я ничего не мог с ним сделать в ответ.

Но это было давно очень, а теперь мы хорошие друзья.

Мы поиграли в мяч, но нам скоро надоело. А потом из дома вышел папа Чистюли и сказал, что рад меня видеть, и спросил, как дела у родителей, и хорошо ли работает после ремонта трактор. Отвечал я ему очень вежливо, потому что, честно говоря, немножко его побаивался.

Дело в том, что он малость чудной - не внешне, а потому, как ведет хозяйство. И хотя он не похож на фермера, с хозяйством отлично управляется. Папа Чистюли никогда не пользуется плугом, просто сидит в воздухе скрестив ноги и плывет над полем туда, потом обратно, а на том месте, над которым он проплыл, земля мелкая, как пудра. Вот так и работает. На его поле нет даже сорняков, потому что ему достаточно проплыть над грядкой, и сорняки уже лежат в борозде, вырванные с корнями.

Можете представить, что он сделает с любым из нас, если поймает во время хулиганства, поэтому мы стараемся быть вежливыми и осторожными, когда он поблизости.

Так что я ему рассказал и о нашем тракторе, и об ульях. А потом спросил, как у него дела с машиной времени, но папа Чистюли в ответ лишь грjКТНО покачал головой.

- Даже и не знаю, что происходит Стив, -сказал он. - я опускаю в нее разные предметы и они исчезают, но потом не могу их найти, хотя и должен бы. Может я слишком далеко перемещаю предметы во времени?

Думаю, он бы рассказал мне еще про свою машину, но тут нам помешали.

Пока мы разговаривали с папой Чистюли, их пес загнал кота на клен. Обычное дело, если поблизости нет Чистюли. При нем все идет шиворот-навыворот. Значит Чистюля дотянулся до дерева - не руками, конечно, а мысленно, - поймал кота, свернул его в клубок, так что тот пошевелиться не мог, и опустил на землю. Придерживая пса, который бился и вырывался, он сунул ему под нос кота и одновременно освободил обоих животных.

Раздался такой вопль, какого я не слыхал. Кот молниеносно взлетел на дерево, едва не содрав с него кору. А пес, не успев вовремя затормозить, на полном ходу врезался носом в ствол.

Кот в это время уже орал на самой вершине

будто его резали, а пес обалдело носился вокруг дерева.

Папа Чистюли молча посмотрел на сына. Он ничего не сделал, даже слова не сказал, но Чистюля побледнел и как будто съежился.

- Сколько раз повторять, чтобы ты оставил этих животных в покое, наконец сказал он. - Ты видел, чтобы Стив или Мохнатик над ними издевались?

- Не видел, - пробормотал Чистюля.

- Идите, - сказал папа Чистюли, - и займитесь своими делами.

Ну, значит, пошли мы, - то есть я плелся по дороге, подымая пыль, а Чистюля плыл по воздуху рядом. Мы двинулись к Мохнатику, которого застали перед домом. Он сидел и ждал, уверенный что рано или поздно кто-нибудь из нас пройдет мимо. На плече у него чирикала пара воробьев, рядом с ним скакал кролик, а из кармана выглядывала белочка, поблескивая глазами-бусинками.

Мы с Мохнатиком уселись под деревом, а Чистюля устроился около нас - он тоже почти сидел, то есть висел дюймах в трех над землей. Мы соображали куда отправиться, но ничего путного в голову не шло, так что мы просто сидели и

болтали, кидали камешки, жевали травинки, а зверьки Мохнатика бегали вокруг нас, ничуть не боясь. Они немного сторонятся Чистюлю, а ко мне, если рядом Мохнатик, подходят без опаски.

Меня вовсе не удивляет, что зверьки любят Мохнатика: он и сам весь покрыт гладкой блестящей шерсткой, и на нем только такие маленькие трусики. Если его отпустить без этих трусиков, его могут по ошибке подстрелить.

Значит, мы соображали, чем бы заняться, и тут я вспомнил, что папа говорил о какой-то новой семье, которая поселилась у Пирсов. Мы решили пойти туда и узнать, а нет ли у них детей?

Оказалось, что они привезли с собой мальчика нашего возраста. Этот мальчишка был немного угловатый, невысокого роста, с большими круглыми глазами, но мне он сразу понравился.

Он сказал нам, как его зовут, но его имя оказалось еще труднее, чем имена Мохнатика и Чистюли, так что мы немного посовещались и решили называть его Малыш. Это имя очень ему подходило.

Потом Малыш позвал своих родственников и по очереди всех их представил. Мы познакомились с его папой, мамой, с маленьким братишкой и с младшей сестрой, похожей на него самого.

Потом его родственники вернулись в дом, только папа Малыша присел с ними поболтать и сказал, что не слишком уверен в своих земледельческих способностях; по профессии он вовсе не фермер, а оптик. Папа Малыша объяснил нам, что оптик - это тот, кто вырезает и шлифует линзы. Но у его профессии нет перспектив на их родной планете. И еще добавил, что очень доволен, перебравшись на Землю, и постарается быть нам хорошим соседом и много всякой ерунды в таком же роде.

В общем, мы дождались, когда он замолчит, и смылись. Нет ничего хуже, если взрослый пристанет и его приходится сидеть и слушать.

Мы решили показать Малышу окрестности и посвятить его в наши дела. Перво-наперво мы отправились в Черную Долину, но шли медленно, потому что нам все время докучал кто-нибудь из любимцев Мохнатика. Вскоре мы напоминали бродячий зоопарк: кролики, белки, черепахи и еще какие-то зверьки.

Я, конечно, люблю Мохнатика, и мне с ним интересно, однако должен признаться, что он усложняет мою жизнь. До того, как он здесь подвился, я частенько ловил рыбу и охотился, а теперь не могу выстрелить в белку или поймать карася без того, чтобы не подумать - а вдруг это

один из друзей Мохнатика.

Вскоре мы дошли до ручья, где находилась наша ящерица. Мы откапывали ее все лето, с небольшими, правда, результатами, но не теряли надежды, что в один прекрасный день извлечем ее на поверхности Вы, конечно, понимаете, что я говорю не о живой ящерице, а об окаменевшей миллион лет назад. В месте, где ручей протекает через слоистую известняковую плиту. И ящерица застряла как раз между двумя такими слоями. Мы уже откопали четыре или пять футов ее хвоста и вгрызались все глубже, но нам все труднее и все больше камня приходилось отбивать.

Чистюля поднялся в воздух над известняковым выступом, застыл неподвижно, сосредоточился, а потом ударил изо всех своих мысленных сил - конечно, так, чтобы не повредить ящерицу. Он постарался на славу и отбил крупный кусок плиты. Пока Чистюля отдыхал, мы втроем собирали и оттаскивали камни.

Но один камень мы не смогли сдвинуть с места.

- Ударь по нему еще раз, - сказал я Чистюле, - он разлетится на кусочки, и мы их вытащим.

- Я его отбил, а вы уж сами думайте, что с ним теперь делать, - ответил он.

Спорить с ним было бесполезно. Мы втроем ухватились за эту глыбину, но она даже не дрогнула. А этот нахал сидел себе, ни о чем не беспокоясь, и только забавлялся, наблюдая, как мы надрываемся.

- Поищите какой-нибудь лом, - посоветовал он. - С ломом, наверное, справитесь.

Мне Чистюля уже порядком надоел, и чтобы хоть на минуту от него отдохнуть, я согласился, сказав, что пойду за ломом. А этот новенький, Малыш, решил идти со мной. Мы выбрались обратно на дорогу и направились ко мне. Мы не торопились. Ничего с Чистюлей не сделается, если он подождет.

Мы шли с Малышом по дороге и болтали. Он рассказывал мне о своей родной планете, а я рассказывал ему о Земле. Я чувствовал, что мы быстро подружимся.

Когда мы проходили мимо сада Картеров, Малыш внезапно остановился посреди дороги и напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь. Поскольку я шел позади, то врезался в него, но он даже не пошевелился, хотя я крепко в него впилился. Его глаза блестели, и весь он был так возбужден, что аж дрожал.

- Что случилось? - спросил я.

Малыш пристально разглядывал что-то в саду. Я посмотрел в ту же сторону, но ничего не увидел.

Вдруг он резко повернулся, перепрыгнул через забор на другой стороне дороги и помчался по полю напротив сада Картера. Я побежал следом, догнал Малыша у самой границы леса, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

- Что случилось? - крикнул я. - Куда ты так летишь?

- Домой, за ружьем!

- За ружьем? А зачем тебе ружье?

- Там же их полно! Надо всех уничтожить!

Тут он, кажется, сообразил, что я ничего не понимаю.

- Хочешь сказать, что не видел?

Я кивнул и растерянно пробормотал:

- Там же никого не было…

- Да нет, их там много! - сказал он. - Только ты их, наверное, не видишь. Как и взрослые, которые теряют умение видеть…

Такого мне еще никто и никогда не говорил. Я сунул ему кулак под нос, и тогда он принялся тараторить, объясняя:

- Они видны только детям. И приносят несчастье. Нельзя, чтобы они спокойно жили рядом,

иначе не миновать неприятностей…

Так сразу поверить я не мог, понять - тем более. Впрочем, видя, что вытворяют Чистюля с Мохнатиком, я давно перестал удивляться и утверждать, будто на свете есть что-то невозможное.

Немного подумав, я согласился, что Малыш может быть и прав. Отчасти. Нас давно уже преследовали всякие неприятности, а ведь никогда так не бывает, чтобы людям все время не везло - если только кто-нибудь специально не мешает им нормально жить.

Да и не только нам. Всем, буквально всем соседям не везло - за исключением Энди Картера. Видно, Энди слишком плохой человек даже, чтоб его неудачи преследовали.

- Ладно, - сказал я, - пошли за твоим ружьем.

Я прикидывал, как же выглядит это потрясное ружье, из которого можно стрелять по цели, которой даже не видно?

Мы добежали до его дома так быстро, что сами не поверили. Папа Малыша сидел под деревом. Малыш подошел к нему и начал что-то говорить, но я ничего не понимал.

Папа немного послушал его, а потом сказал:

- Ты должен говорить на здешнем языке, иначе это очень невежливо с твоей стороны. Если хо-

чешь стать хорошим гражданином этой большой и прекрасной планеты, ты должен пользоваться ее языком, перенимать ее обычаи и стараться жить так, как живут ее обитатели.

Одно могу сказать: папа Малыша умел выбирать слова!

- Скажите, пожалуйста, - спросил я, - правда, что эти невидимки приносят несчастье?

- Правда, - ответил папа Малыша. - На нашей планете они здорово нам досаждали.

- Папа, - спросил Малыш, - можно взять ружье?

- Не торопись, - ответил его папа. - Все надо тщательно проверить. Там, у нас, ситуация была ясной. Но здесь могут существовать иные обычаи. Не исключено, что человек, которому они принадлежат, станет возражать против их уничтожения.

- Но разве они - чья-то собственность? - возразил я. - Как можно владеть тем, чего даже не видно?

- Я имел в виду владельца фермы, где они появились.

- Энди Картера? Но ведь он о них не знает.

- Не имеет значения, - ответил папа Малыша. - Мне кажется, что тут возникнет серьезная этическая проблема. На нашей планете этих созданий все ненавидели. Но здесь может оказаться иначе.

Видишь ли, тому, кого они себе выберут хозяином, они очень полезны.

- То есть Энди они приносят удачу? - спросил я. - А мне казалось, вы говорили, что с ними одни неприятности.

- Да, они приносят несчастье всем, кроме хозяина. У них такое правило: счастье для одного - несчастье для остальных. Потому на нашей планете никто и не позволял им у себя поселяться.

- Значит, вы думаете, что они выбрали себе Энди, и поэтому ему везет?

- Ты абсолютно прав, - сказал папа Малыша. - Ты прекрасно уловил суть дела.

- Так почему бы прямо сейчас не пойти и не истребить их всех?

- А этот мистер Картер не будет иметь ничего против?

- Ну, ничего хорошего от него ждать не приходится. Он нас наверняка прогонит раньше, чем мы завершим дело наполовину. Но ведь потом можно тайком вернуться и…

- Исключено, - возмутился папа Малыша.

Папа Малыша прямо-таки терпеть не мог нечестных поступков. Он, наверное, умер бы от стыда, если б его засекли за хулиганством.

- Так нельзя, - сказал он. - Это будет в высшей

степени неэтично. Как ты думаешь, Стив, знай Картер, что они у него на ферме, он захотел бы с ними расстаться?

- Я уверен, что нет. Он только о себе и думает.

Папа Малыша тяжело вздохнул и встал.

- Стив, твой отец сейчас дома?

- Наверняка.

- Пойдем, поговорим с ним. Он здесь родился, он честный человек и посоветует нам, как поступить.

- Скажите, пожалуйста, - спросил я, - а как вы их называете?

- У них есть название, но его не перевести на ваш язык. Понимаешь, оно связано с тем, что они не находятся ни здесь, ни там, а как бы на границе, между... Да, можно назвать их Пограничниками.

- По-моему, хорошее объяснение, и слово...

- Да, - подтвердил папа Малыша, - давай их так и называть.

Мой папа обалдел почище моего, когда узнал о них, но чем дольше он слушал папу Малыша и чем сильнее задумывался, тем больше убеждался, что его не обманывают.

- Наверное, вы правы, - наконец сказал он. - Ведь за что ни возьмешься, ничего не выходит.

Признаться, злость меня разбирает, когда я вижу, что мне ничего не удается, а этому Картеру везет во всем.

- Меня очень беспокоит, - сказал папа Малыша, - что мы обнаружили Граничников на вашей планете. У нас их много, да и на соседних планетах; но я никогда не думал, что они забрались так далеко.

- Одно непонятно, - сказал мой папа, раскуривая трубку и присаживаясь, - почему мы их не видим, если они здесь, рядом.

- Существует вполне научное объяснение, но его, к сожалению, нельзя выразить на вашем языке. Они живут как бы в иной фазе, хотя и это не совсем правильно. Взгляд ребенка проницателен, ум распахнут, поэтому может увидеть нечто, буквально капельку, сверх действительности. Вот почему Граничников видят только дети. Я в детстве тоже их видел и даже уничтожил немало. Должен вам сказать, что на нашей планете поиски и постоянное истребление Граничников входят в обязанности детей.

- А ты их видел? - папа повернулся ко мне.

- Нет, папа, не видел.

- И вы тоже не видели? - спросил он у папы Малыша.

- Я утратил возможность видеть Граничников много лет назад. Что касается вашего мальчика, то, возможно, только дети некоторых рас…

- Но это значит, что Граничники нас видят? Иначе как они могут приносить счастье или несчастье?

- Несомненно, нас они видят. Это бесспорный факт, ведь ученые нашей планеты с давних пор исследуют этих существ.

- Еще один вопрос: как они выбирают себе хозяев? И что они с этого имеют?

- Это окончательно не выяснено, - ответил папа Малыша. - Но на этот счет имеется много гипотез и одна из них гласит, что собственной жизни у Граничников нет, и, чтобы существовать, они должны иметь постоянный образец. С него они копируют и внешность, и чувства, напоминая паразитов.

Тут папа остановил его. Он уже изрядно запутался и ему необходимо было поразмышлять вслух.

- Не думаю, - сказал папа, - что они делают это за так. Должна существовать конкретная причина - как, впрочем, в любой работе. Все делается по определенному плану, все имеет свою цель. И если внимательно приглядеться, плохих дел

вообще не существует. Может, несчастья, которые приносят Граничники, частицы большого и важного плана? Может, они помогают нам воспитывать характер?

Честное слово, я впервые слышал, чтобы папа так рассуждал, да еще сидя с папой Малыша.

- Я тоже пытался объяснить их существование, но не думал о том, что вы сейчас сказали.

- А может, Граничники - кочевые племена, которые просто перебираются с места на место? Поживут себе немного, а потом отправляются дальше?

Папа Малыша грустно покачал головой.

- К сожалению, этого почти никогда не происходит.

- Очень давно, когда я был маленьким, - сказал папа, - мы с мамой, то есть с твоей бабушкой, Стив, поехали в город. Хорошо помню, как я стоял перед огромной витриной, полной игрушек, зная, что никогда мне их не купят, а так хотелось получить хоть одну. Может, они тоже стоят за огромным стеклом и смотрят на нас, на что-то надеясь?

- Очень образное сравнение, - с явным восхищением сказал папа Малыша.

- Что касается меня, - продолжал мой папа, - то ваше слово для меня свято, и я ни в коем случае не

хочу усомниться в том, что вы нам рассказали…

- Но вы сомневаетесь, и я вас за это не осуждаю. Наверное, вы поверите, когда Стив подтвердит, что видел их?

- Пожалуй так, - подумав, ответил папа.

- До того, как мы переселились на Землю, я работал в оптической промышленности. Вероятно, мне удастся подобрать и отшлифовать линзы, чтобы он мог увидеть Граничников. Я ничего не гарантирую, но игра стоит свеч. Он еще в том возрасте, когда дети видят сверх действительности. Возможно, его зрение требует лишь небольшой коррекции.

- Если вам удастся помочь ему, и Стив увидит Граничников, я поверю без малейших сомнений.

- Сейчас же принимаюсь за дело, - пообещал папа Малыша.

Папа долго смотрел, как Малыш и его папа идут по дороге, а потом покачал головой.

- Некоторые инопланетяне проповедуют странные теории. Приходится все время быть настороже, чтобы не дать себя провести.

- Но они говорят правду! - воскликнул я.

Папа молча сидел и думал, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся маленькие колесики и шестеренки.

- Чем дольше все это взвешиваю, тем правдоподобней оно выглядит. Когда-то счастье и несчастье были поделены поровну, по справедливости. Потом, допустим, появилось нечто, безразлично что, и отдало все счастье одному человеку. Значит, всем прочим, и нам тоже, осталось одно несчастье.

К сожалению, мои колесики крутились медленнее папиных, и чем дольше я его слушал, тем меньше понимал.

- Предположим, - продолжал он, - проблема сводится к обычному состязанию. Что для одного человека везение - то для другого неудача. Скажем, все хотят иметь интересную книгу. Для того, кто ее достанет - это победа, для других - поражение. Как с тем медведем; для того, чей улей остался цел, это счастье, удача, а для того, чей разрушен - сплошные расстройства. Опять же, сломался трактор…

Папа долго мог так говорить, но не думаю, что он сам во все это верил. Мы оба понимали, что за словами стоит что-то более существенное.

Чистюля и Мохнатик здорово рассердились на меня за то, что я не принес лом. Они заявили, что я их попросту надул, но я ответил, что совсем нет, и, чтобы они поверили, рассказал, что случилось.

Может, следовало держать язык за зубами, но, в конце концов, это не имело значения. Во всяком случае, мы сразу же помирились, и вообще стало очень весело. Те двое взялись подшучивать над Малышом насчет Граничников, но он никак не реагировал, и его оставили в покое.

Каникулы мы провели просто здорово. Сначала была ящерица, а потом появилась семья скунсов; они влюбились в Мохнатика и следовали за ним по пятам. В один из дней Чистюля увел у Энди из сарая все машины. Энди носился по ферме и с ума сходил от злости. Все бы хорошо, только ни нас, ни наших соседей не оставляли неудачи. Ну а когда рухнул наш сеновал, отец прямо заявил, что папа Малыша был прав. Мама едва удержала его, а то он собрался идти к Энди Картеру и всыпать ему как следует.

На день рождения родители подарили мне телебиовизор, чего я, признаться, не ожидал. Я давно о нем мечтал, но ведь это дорогая штука, а после трактора и сеновала лишних денег совсем не было.

Вы, конечно, знаете, что такое телебиовизор. Он вроде телевизора, но гораздо лучше. По телевизору можно только смотреть передачу, а телебиовизор позволяет переживать ее вместе с

героями. Надеваешь на голову шлем, выбираешь нужную программу, включаешь визор и приемник, и переживаешь то, что видишь.

Он не требует особого воображения - все уже готово для вас: действие, звук, запах, и даже ощущения, например, когда до тебя дотрагиваются.

Мне подарили детский телебиовизор, и он принимал только детские программы. Но мне их вполне хватало, чтоб еще переживать всю эту ерунду для взрослых!

Я все утро просидел с телебиовизором. Сначала посмотрел программу, которая называлась «Покоряем иные миры» - о земной исследовательской экспедиции, высадившейся на далекой планете, потом про охоту в джунглях, а в конце «Робин Гуда», и он мне больше всего понравился.

Я был страшно доволен своим телебиовизором и решил похвастаться перед ребятами, поэтому пошел к Чистюле. Но я не успел ему ничего показать. Не дойдя до калитки, я увидел, как по воздуху плывет Чистюля, а рядом с ним несчастный замученный кот, над которым Чистюля все время издевался. Кот не мог даже пошевелиться, я только видел его расширенные от ужаса глаза.

- Эй, Чистюля! - крикнул я.

Он приложил палец к губам, делая мне знак

молчать, а другим пальцем поманил к себе. Я перепрыгнул через забор, а Чистюля опустился на землю.

- Что ты делаешь[9] - спросил я.

- Он ушел и забыл запереть на замок сарай, - шепнул он.

- Кто ушел?

- Мой папа. Понимаешь? Он забыл запереть старый сарай.

- Но ведь там…

- Вот именно. В нем он держит свою машину времени.

- Чистюля! Ты что, собираешься сунуть туда кота?

- Почему бы и нет? Папа никогда не опускал в нее ничего живого. Посмотрим, что получится.

Мне его идея не понравилась, но уж очень хотелось посмотреть машину времени. Интересно узнать, как она выглядит. Ведь папа Чистюли ее никому не показывал.

- Что, - спросил Чистюля, - трусишь?

- Нет, но как же кот?

- Тоже мне! Подумаешь, кот…

Действительно, это был всего лишь кот. Я двинулся за Чистюлей, и мы проскользнули в сарай, прикрыв за собой дверь. В центре сарая стоя-

ла машина времени. Она не выглядела как-то особенно; обычная воронка, хоть и большая, а в одном, самом широком месте, обмотанная множеством проволочек. К специальному колесу крепился примитивный пульт управления, который с помощью разноцветных проводов соединялся с воронкой. Высотой машина доставала мне до груди, поэтому я снял телебиовизор и положил на ее край, чтобы заглянуть внутрь. В это время Чистюля включил питание, и я отскочил как ошпаренный, потому что в самом деле от неожиданности испугался.

Постояв чуток, я вернулся, чтобы заглянуть еще раз. Внутри воронки крутился водоворот из сметаны: густой, жирный, блестящий и… живой! В нем виднелась жизнь! И так потянуло меня броситься туда вниз головой, что пришлось изо всех сил держаться за край воронки, чтобы этого не сделать. Кто знает, может, я в конце концов и прыгнул бы, но кот у Чистюли неожиданно высвободился. Не знаю, как ему удалось, ведь он был свернут в клубок и буквально застегнут на пуговицу. Может, Чистюля зазевался, но я думаю, кот пронюхал, что его ожидало. Так или иначе, он висел над воронкой машины, а Чистюля приготовился или его туда сбросить. Вот тогда-то

коту удалось вывернуться и он заорал, распушив хвост и загребая лапами воздух, чтобы не упасть в водоворот. В последний момент, уже падая, он ухитрился как-то извернуться и когтями одной лапы зацепиться за край воронки, а другой - за мой телебиовизор. Я вскрикнул и потянулся, чтобы спасти аппарат, но было поздно: он упал в белую кашу и тут же исчез. А кот, взобравшись по столбу, сидел на одной из перекладин, громко мяукая.

Тут открылась дверь, и появился папа Чистюли. Я подумал, что теперь уж мне здорово влетит, но он молча смотрел то на Чистюлю, то на меня, а потом сказал:

- Стив, выйди, пожалуйста.

Я выскочил за дверь так быстро, как только мог, но через плечо еще раз оглянулся - Чистюля побледнел и задрожал. Я знал, что его ожидает наказание, и, хоть он его вполне заслужил, мне стало Чистюлю жалко. Но даже останься я - чем бы ему это помогло? Так что я был доволен одним тем, что вышел сухим из воды. Но потом понял, что о везении говорить рано.

Не знаю, наверное с перепугу, но я пошел прямо домой и рассказал папе всю правду. Папа снял ремень и задал мне перцу. Мне показалось, делал

он это без особой охоты, потому что и ему надоели проделки инопланетян.

Несколько дней я сидел дома. Ведь если куда пойти, придется проходить мимо дома Чистюли, а мне не хотелось с ним встречаться, по, крайней мере сейчас.

Скучно было очень и я готов был расплакаться, но тут пришел Малыш со своим папой и принес очки.

- Не знаю, подойдут или нет, - сказал папа Малыша. - Я шлифовал их на глазок.

Очки ничем не отличались от обычных, только стекла были исчерчены прерывистыми линиями, разбегающимися во все стороны. Я надел очки - они оказались чуть великоваты, но с носа не падали. Я огляделся; двор был таким же, как и всегда… только чуть-чуть странным. Понимаете, стоял отличный августовский день, светило солнце, но когда я надел очки, то вокруг как будто потемнело и стало холодно. И еще меня охватило непонятное чувство, от которого я весь передернулся. Да, свет был какой-то странный, но это чувство, что я нигде не нахожусь… Плохое оно было или нет - я не смог бы объяснить, спроси меня кто-нибудь.

- Ну, что видно, сынок? - спросил папа.

- Все стало каким-то непривычным.

- Покажи-ка мне. - Он снял с меня очки и надел их сам.

- Ничего особенного не вижу, - сказал он. - Только все вокруг перекрашено.

- Я же вам говорил, - сказал папа Малыша, - видеть иначе могут только дети. Мы с вами слишком прочно вросли в действительность.

Папа снял очки, покрутил в руках.

- Видел Граничников? - спросил он.

Я покачал головой.

- Здесь их нет, - объяснил Малыш.

- Чтобы увидеть Граничников, - добавил папа Малыша, - надо идти к Картеру.

- Ну так кого же мы ждем? - спросил папа.

И мы вчетвером отправились к Картерам.

В доме никого не было. Странно, ведь всегда кто-то оставался - или сам Картер, или его жена, или садовник Оззи Бернс - даже когда они уезжали в город или куда еще.

Мы стояли на дороге, а Малыш внимательно высматривал, но не заметил Граничников ни в саду, ни в поле. Папа нетерпеливо покашлял. Я знал, о чем он думает - о том, что инопланетяне сыграли над ним шутку. Но в этот момент Малыш очень взволнованно сказал, что видит Гранични-

ков на краю пастбища - там, где начинались леса Черной Долины и где стоит сарай Энди.

- Дайте своему мальчику очки, - сказал папа Малыша, - чтобы и он мог посмотреть.

Папа протянул их мне. Сначала я не различал даже знакомых деталей, но скоро привык к очкам и, в самом деле, увидел на дальнем краю пастбища движущиеся фигуры, похожие на людей, но очень странные, напоминающие клочки дыма. Я подумал даже, что если дунуть как следует, то они растворятся.

- Видишь что-нибудь? - спросил папа.

Я ответил, что вижу, а он, задумавшись, потер подбородок так сильно, что у него аж щетина заскрипела под пальцами.

- Никого поблизости не видно, так что мы можем туда спокойно подойти, - сказал он. - Пусть Стив к ним как следует присмотрится.

- Вы считаете, что мы не нарушим порядка? - озабоченно спросил папа Малыша. - Наши действия не посчитают неэтичными?

- Вообще-то, посчитают - ответил папа, - но если быстро управиться, Энди о них даже не узнает.

Так что мы перелезли через забор и лесом подобрались к месту, где видели Граничников. Шли мы медленно, продираясь сквозь заросли

ежевики, тяжелые от черных блестящих ягод, и как можно тише, но вдруг Малыш толкнул меня в бок и торопливо шепнул:

- Смотри, вот они.

Я нацепил очки и увидел…

На окраине луга, за лесом, стояло гумно Энди - просто крыша на столбах, под которой он хранил сено, непоместившееся на сеновале. Гумно было старое, полуразвалившееся. Энди стоял на крыше и перебирал какие-то доски, а по лестнице, ее придерживала миссис Картер, карабкался Оззи Бернс с охапкой досок на плече. Энди присел и протянул руки, принимая доски. Вот почему их дом оказался заперт - они втроем занимались починкой крыши!

Вокруг них крутилось штук двадцать Граничников. Часть болталась около Энди на крыше, пара-тройка стояла рядом с Оззи на ступеньках, а остальные помогали миссис Картер поддерживать лестницу. Они суетились вокруг, и каждый до отвращения напоминал Энди. Какого-то четкого сходства не было. Но каждая из бестелесных фигур, буквально каждая, была приземиста и похожа на бульдога, как Энди. И даже походка их напоминала его раскачивающуюся походку, и проглядывала в ней подлая натура Энди.

Лестница косо стояла на неровном месте, поэтому ее надо было держать.

Пока я на них смотрел, Оззи Бернс уже передал Энди доски, а сам поднялся на крышу. Конечно же миссис Картер отвернулась от лестницы, потому что Оззи уже ничего не грозило.

Энди присел на корточки, раскладывая доски, потом выпрямился, посмотрел в сторону леса и увидел нас.

- Что вы там делаете? - рявкнул он и тут же полез вниз по лестнице. Он сделал два шага, когда началось самое удивительное. Постараюсь рассказывать помедленнее и поподробнее.

Для меня все выглядело так, будто одна лестница превратилась в две. Первая продолжала стоять, крепко опираясь на крышу, а вторая начала съезжать вместе с Энди по краю крыши. Я хотел крикнуть, предостеречь его - правда, не знаю, зачем. Ведь если б он упал и свернул себе шею, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Но, только я собрался крикнуть, двое Граничников бросились к гумну и... вторая лестница исчезла. Вот она поползла по крыше, вместе с вцепившимся в нее вторым Энди, который уже трясся от страха, и вдруг из двух опять получилась одна лестница и один Энди.

Я стоял, дрожа, не сомневаясь, что видел все не понарошку, но сам, если бы мне рассказали, ни за что бы в подобное не поверил. Постояв еще немного, я понял, что углядел одновременно два варианта событий: вариант, в котором лестница должна была упасть, и вариант, в котором она не упала, потому что Граничники ее удержали. Теперь я своими глазами убедился, как работает счастье Энди. Вернее, как отваживается несчастье. Впрочем, как ни говори Энди всегда в выигрыше. Вот и сейчас он был уже на последней ступеньке лестницы, а вокруг него - Граничники: одни подпрыгивали, другие прямо-таки падали сверху, и будь они людьми, они бы и костей не собрали после таких падений.

Папа вышел из леса на луг, я следом за ним. Мы знали, в какую историю ввязываемся, но мы не из трусливых. Сзади шли испуганные Малыш и его папа. Энди двинул нам навстречу и, как видно, отнюдь не с мирными намерениями. А вокруг него толпились Граничники, нелепо размахивая руками, как и их хозяин.

- Энди, - примирительно начал папа, - будем благоразумны…

Должен заметить, что слова эти дались ему с большим трудом. Ведь папа ненавидел Энди

Картера как не знаю что, и имел на то уйму оснований. В течение всех последних лет Энди оставался самым мерзким соседом, какого только можно себе представить.

- Это кто тут говорит о благоразумии! - заорал Энди на папу. - Ты? А я слышал, что ты рассказываешь байки, что, мол, все твои неудачи из-за меня. Я тебе прямо скажу - невезение тут не при чем. Самая обычная бездарность: ты просто ни на что не годен. А если ты вообразил, что своей болтовней что-нибудь изменишь, то глубоко ошибаешься. Не иначе как наслушался разных глупостей от инопланетян. Будь это в моей власти, я бы выгнал их всех с Земли.

Папа быстро шагнул вперед, и я решил, что Энди сейчас получит свое, но папа Малыша успел подскочить и схватить за руку моего папу.

- Нет! - крикнул он. - Не бейте его! Лучше уйдем отсюда.

Папа стоял, раздумывая, кому из них врезать первому.

- Ты никогда мне не нравился, - продолжал Энди. - С первой минуты, как я тебя увидел, я понял, что ты бездельник. Так оно и есть. Да разве порядочный человек станет водиться с инопланетянами. Впрочем, ты ничем не лучше

их. А теперь убирайся и чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Папа вырвал руку, так что папа Малыша аж завертелся, и замахнулся. Я увидел, как голова Энди медленно наклоняется и опускается на плечо. На мгновение показалось даже, что у него появилась вторая голова. Я понял, что снова вижу «предотвращение» несчастного случая, но теперь это был не тот случай.

На сей раз Граничники не успели уберечь Энди от опасности, ведь они имели дело не с медленно сползающей лестницей. Раздался звук, будто морозным утром ударили по полену обухом топора. Голова Энди дернулась, он потерял равновесие и повалился на спину. Над ним тут же склонились Граничники, причем, с такими глупыми физиономиями, каких я еще никогда ни у кого не видел. Теперь их можно было брать голыми суками. Папа повернулся, взял меня за рукав, потянул и сказал:

- Пойдем, Стив. Нам здесь нечего больше делать. - Тихо так сказал, но спокойно и с ноткой гордости. - Бог свидетель, - пояснил он, пока мы не спеша шли, даже не оглядываясь, - что я крепился все пятнадцать лет, с того дня, как увидел его.

Я вспомнил о Малыше и папе Малыша, но их и

след простыл. Но папе я не напомнил, чувствуя, что дружеских чувств он к ним сейчас не питает.

Впрочем, я напрасно за них беспокоился - они ждали нас у дороги, запыхавшиеся и исцарапанные, видимо, усиленно продирались сквозь заросли.

- Рад, - сказал папа Малыша, - что у вас все в порядке.

- Не о чем тут говорить, - холодно отрезал папа и даже не остановился, крепко сжав мою руку. Мне пришлось идти следом.

Дома мы сразу прошли на кухню напиться воды.

- Стив, очки у тебя? - спросил папа.

Я вытащил их из кармана и отдал ему, а он положил их на полочку над раковиной.

- Пусть лежат здесь, - строго сказал он, - и чтобы ты их больше не надевал! Понял?

- Да, папа, - ответил я.

Честно говоря, я надеялся, что он как следует разозлится. Я боялся, что после всего случившегося, он вернется к разговору об одной из Фермерских планет, а раз не сердится, только молчит, то уже принял окончательное решение переселяться. Но он даже словом не обмолвился о ссоре с Энди, как и о Фермерских планетах. Он

молчал и продолжал злиться, но, я думаю, на Малыша и его папу.

Я долго размышлял над тем, что видел на лугу у Энди. И чем упорнее размышлял, тем сильнее убеждался, что раскрыл секрет Граничников. Я вспоминал лестницу и два разных события, происходивших одновременно. Выходило, что я заглянул в будущее, то есть увидел, как лестница будет падать. Но она не упала, так как Граничники, зная, что произойдет, удержали ее и вернули на место. Из этого следовало, что Граничники видят дальше во времени и предотвращают события, которые могут произойти.

Вот, значит, на чем основано везение Энди и наше невезение: Граничники предвидели плохие события и предотвращали их. Но не всегда. Ведь папа врезал Энди, а им не удалось его уберечь, хотя они и пытались. Из этого я сделал я вывод, что им тоже везет не всегда, и сразу как-то легче стало. И еще я подумал, что им достаточно увидеть, что нас ожидает удача и они тут же перевернут все с ног на голову. Предположим, они живут немного в будущем, секунды на две вперед, и их отделяет от нас только разница во времени.

Меня озадачивал другой вопрос: почему я видел два момента одновременно? Ясное дело, ни

Малыш, ни его родственники не наделены такой способностью, иначе рассказали бы о Гранични-ках подробнее, ведь их изучали на планете Малыша многие годы, но, как я понял, так и не выяснили, как они действуют.

Возможно, папа Малыша, делая очки, отшлифовал линзы лучше, чем хотел. Он мог добавить им какие-то свойства, или что-то еще с ними сделать, сам того не зная. А может быть, человеческое зрение отличается от их зрения, но соединившись с их оптикой, получилось нечто неожиданное.

Я постоянно думал об этом, но крутился на одном и том же месте.

Несколько дней я сидел дома, чтобы не встречаться с Малышом, поддерживая честь семьи, и поэтому не видел жуткого скандала между Чистюлей и Мохнатиком.

Дело в том, что Мохнатик не мог и дальше смотреть, как Чистюля мучает несчастного кота и решил проучить Чистюлю. Мохнатик поймал скунса, постриг и покрасил его так, что скунс ничем не отличался от кота. Потом забрался к Чистюле и незаметно поменял животных. Но скунс не хотел оставаться у Чистюли, потому что жил у Мохнатика, причем хотел как можно скорее вернуться домой. Поэтому дал деру. Как

раз в этот момент Чистюля выглянул во двор и увидел, что скунс протискивается под калитку. Решив, что кот собрался от него сбежать, он поймал зверя, свернул в клубок и подбросил вверх, чтобы проучить. Скунс взлетел высоко в воздух, а приземлился прямо на голову Чистюле, который парил на высоте двух футов! Скунс, ничего не соображая от страха, вцепился в Чистюлю когтями и использовал весь свой арсенал защитных средств. Впервые в жизни Чистюля грохнулся о землю и испачкался, как другие ребята.

Я дал бы миллион долларов, чтобы это увидеть.

И только через неделю, после того, как Чистюлю кое-как привели в порядок, рядом с ним снова можно было сидеть, не зажимая носа.

Папа Чистюли помчался выяснять отношения с папой Мохнатика, и они так классно поскандалили, что все хохотали неделю.

Таким вот образом остался я без приятелей. С Малышом мы еще не помирились, а чтобы играть с Чистюлей или Мохнатиком - я не был настолько глуп. Я знал, что их ссора еще не кончилась, и не стал вмешиваться, чтобы не занимать чьей-то стороны.

Признаться, было очень, обидно: каникулы

заканчивались, а тут и поиграть не с кем, и телебиовизора нет. Дни улетали один за другим, а я жалел каждую минуту.

В один прекрасный день приехал шериф.

Мы с папой работали во дворе и пытались наладить сноповязалку. Папа давно грозился купить новую, но после всех наших невезух покупать было не на что.

- Добрый день, Генри, - поздоровался шериф.

Папа кивнул в ответ.

- Слышал, у тебя недоразумения с соседями.

- Можно и так назвать, - ответил папа. - Просто я недавно дал одному из них в морду, вот и все.

- На его собственной ферме, так?

Папа оставил в покое сноповязалку и, сидя на корточках, посмотрел на шерифа.

- Это Энди пожаловался?

- Он заезжал ко мне и рассказал, что новая семья инопланетян наболтала тебе какую-то чушь, о каких-то тварях, которые всем приносят беды, и которых он, якобы, держит при себе.

- Надеюсь, ты выбил из его головы эту чушь?

- Я человек мирный, - сказал шериф, - и мне не доставляет удовольствия наблюдать, как соседи ссорятся. Я ответил ему, что для начала поговорю с тобой.

- Давай, - кивнул папа, - говори.

- Послушай, Генри, ты и сам знаешь, что вся эта болтовня о существах, приносящих беды - ерунда. Меня удивляет другое - как ты мог на это клюнуть?

Папа медленно поднялся, лицо его перекосилось от злости, и я даже подумал, что он сейчас стукнет и шерифа. Честно говоря, я здорово испугался, потому что шерифа бить нельзя.

Я так и не узнал, что он собирался сделать, может только пару слов сказать.

На своем старом грузовичке подкатил папа Мохнатика. Он хотел остановиться за машиной шерифа, но не рассчитал и врезался в нее так сильно, что та проехала юзом футов шесть. Шериф бросился за калитку.

- Черт побери! - закричал он. - Тут у вас даже машину оставить опасно.

Мы оба побежали за ним. Я - потому что назревала драка, а папа - так мне показалось - чтобы в случае чего помочь папе Мохнатика. Но самое удивительное - папа Мохнатика, вместо того, чтобы сидеть в кабине тихо и ждать шерифа, выскочил на дорогу и помчался навстречу нам.

- Мне сказали, что вас можно найти здесь, - выпалил он, тяжело дыша.

- Вот вы и нашли, - рявкнул шериф, чуть не лопаясь от злости. - А теперь...

- Мой мальчик пропал! - сообщил папа Мохнатика. - Он не пришел домой ночевать!

Шериф мигом успокоился, взял его за плечо и сказал:

- Не волнуйтесь, лучше подробно расскажите, что произошло.

- Он ушел из дома вчера рано утром и не вернулся к обеду. Мы не беспокоились - он часто исчезает на целый день, у него в лесу много друзей...

- И ночевать он тоже не пришел?

Папа Мохнатика кивнул.

- Когда стемнело, мы забеспокоились. Я отправился его искать, но безрезультатно. Он как в воду канул. Я решил, что он проведет ночь в лесу, надеялся, что он явится утром - ничего подобного.

- Положитесь на меня, - сказал шериф. - Мы поднимем на ноги всю округу и организуем поиск. Мы найдем его, обязательно найдем! Он повернулся ко мне: - Ты знаешь этого мальчика? Ты дружишь с ним?

- Конечно, - ответил я.

- Тогда проведи нас по всем местам, где вы играли. Для начала осмотрим их.

- Я обзвоню соседей, чтобы собрались здесь,

- сказал папа и пошел к дому.

Не прошло и часа, как набежало человек сто. Шериф разделил их на группы, в каждой назначил старшего и дал задания где искать.

Меня шериф взял в свою группу, и мы отправились в Черную Долину. Я показал им ящерицу, потом место, где мы начали копать пещеру, и место на реке, где Мохнатик подружился с огромной форелью, и все остальные места. Мы обнаружили старые следы Мохнатика, и ни одного свежего, хотя прошли вверх по ручью до запруды, где он впадает в реку. Когда мы возвращались, уже стемнело, а я страшно устал.

Неожиданно мне в голову пришла ужасная мысль. Я старался ее отогнать, но так и не смог. Весь остаток пути я размышлял - может ли поместиться в воронку машины времени такой парень, как Мохнатик?

Мама накормила меня ужином и отправила спать, но потом зашла поцеловать, чего давно не делала. Она считает, что я уже достаточно взрослый, но сегодня вечером почему-то зашла.

Потом она спустилась вниз, а я лежал и прислушивался к голосам мужчин во дворе. Большинство еще продолжали поиски. Я понимал, что должен быть с ними, но вместе с тем знал,

что мама не пустит, и в глубине души был рад. Я буквально падал с ног от усталости, а вечером в лесу к тому же страшно.

Наверное, в любую другую ночь я бы сразу заснул, но сейчас у меня перед глазами все время стояла воронка этой машины. Я пытался представить, что будет, когда кто-нибудь расскажет шерифу о ссоре между Чистюлей и Мохнатиком. А если ему уже рассказали, то шериф наверняка прямо сейчас заглядывает в воронку, ведь не дурак же он.

Потом я подумал, а не рассказать ли мне все самому?...

Наверное, я заснул, но когда проснулся мне показалось, что я вообще не спал. Было еще темно, а сквозь окно лился пугающий красноватый свет. Я сел в кровати, и у меня волосы стали дыбом. В первое мгновение я решил, что горит наш сеновал или сарай, но потом сообразили, что пожар где-то дальше. Я вскочил и подбежал к окну. Горело что-то большое и совсем недалеко.

Похоже, что горело у Картеров, хотя я сразу смекнул что это невозможно, потому как несчастья могли случиться с кем угодно, только не с Энди. Разве что он застрахован.

Я спустился по лестнице босиком и увидел,

что мама стоит у открытой двери и смотрит на пожар.

- Что случилось, мама? - спросил я.

- Это сеновал Картеров. Они звонили соседям, просили помощи, но никого нет, все ищут Мохнатика.

Мы стояли и смотрели на пожар, пока он почти не угас, и тогда мама снова отправила меня в постель.

Я залез под одеяло и стал переваривать новую порцию впечатлений. Я думал, как странно: месяцами ничего не происходит, а тут так сразу, да и с сеновалом Энди тоже не все чисто. Энди был самым удачливым человеком в округе, и вдруг без всякого предупреждения на него свалилось такое несчастье. Я спросил себя, а не покинули ли его Граничники, и если да, то почему? Может, он просто надоел им?.

Когда я снова проснулся, было ясное утро. Я быстро оделся и спустился узнать новости о Мохнатике.

Но мама ответила, что мужчины до сих пор его ищут. Она приготовила мне завтрак, заставила все съесть и запретила уходить далеко или присоединяться к группам, направляющимся в лес. Она сказала, что это опасно, потому что в лесу

полно медведей. Мне. стало смешно, ведь мама никогда не пугала меня медведями.

Но она взяла с меня честное слово. Пообещав ей, что далеко не уйду, я со всех ног помчался к Картерам посмотреть на остатки сеновала и с кем-нибудь поговорить. Собственно, оставался только Малыш.

У Картеров смотреть было не на что. Черные, обугленные головешки местами еще тлели. Я стоял на дороге, когда Энди вышел из дома. Он остановился и зыркнул на меня так что я быстро смылся, как только мог.

Я проскочил мимо дома Чистюли, смотря себе под ноги, надеясь, что не встречу его. Мне не хотелось иметь» с ним ничего общего, не то что разговаривать.

Я добежал до дома Малыша, и его мама сказала, что Малыш болен, но не заразно, и я могу зайти его навестить. Малыш лежал в постели, и очень обрадовался моему приходу. Я спросил, как он себя чувствует, и он ответил, что уже лучше. Он заставил меня поклясться, что я не расскажу его маме, а потом прошептал мне на ухо, что объелся зеленых яблок из сада Картера.

О том, что случилось с Мохнатиком он слышал, и я рассказал ему о своих подозрениях.

Малыш долго лежал и молчал, пока торжественно не заявил:

- Стив, я давно хотел тебе сказать: это не машина времени.

- Не машина времени? Откуда ты знаешь?

- Я видел предметы, которые папа Чистюли туда опускал. Они не пропадают. Они там так и лежат.

- Ты видел… - тут до меня дошло. - Значит, они там же, где и Граничники?

- Именно это я и хотел сказать, - заговорщически ответил Малыш.

Сидя на краю кровати, я пытался переварить его открытие, но вопросов в голове становилось все больше, столько, что разобраться в них я не мог.

- Малыш, - спросил я, - а где оно, то место? Ну, место, где находятся Граничники?

- Не знаю. Где-то недалеко, совсем рядом. Почти в нашем мире, но не совсем.

И тут я вспомнил, что говорил папа две недели назад.

- Значит, их мир и наш разделены чем-то вроде стекла?

- Да, вроде бы.

- А если Мохнатик там, что они с ним сделают?

- Не знаю, - вздрогнул Малыш.

- Как он себя там чувствует? Может ли он дышать?

- Наверное, может, - сказал Малыш. - Они ведь тоже дышат.

Я встал и пошел к двери, но на полпути остановился и спросил:

- Скажи, чем занимаются Граничники, что им здесь нужно?

- Никто не знает точно. Говорят, что они вынуждены находиться рядом с другими живыми существами, чтобы жить самим. У них нет своей собственной жизни. И они ищут себе чужую жизнь, чтобы унаследовать ее, но и это не совсем так.

- Им нужен какой-то образец, - сказал я, вспомнив, что говорил папа Малыша.

- Можно и так сказать, - ответил Малыш.

Я подумал о том, какая скучная жизнь Граничников, имеющих в качестве образца Энди Картера. Но, возможно, я ошибался; ведь когда я их видел, они были счастливы, крутились себе на крыше, и каждый из них выглядел, как Энди. Ну а как еще можно выглядеть, когда живешь рядом с ним?

Я направился к двери.

- Куда ты, Стив? - спросил Малыш.

- Искать Мохнатика.

- Я с тобой.

- Нет. Тебе надо лежать.

Я побежал домой, размышляя о том, что Граничники не имеют собственной жизни, что им нужен образец, все равно какой.

Если встречается человек с хорошей и интересной жизнью, им везет. И человеку, которого они выбрали, везет во всем - ведь они хорошие помощники. Я подумал - скольким людям хорошо живется благодаря Граничникам. И какой бы это был для них удар, если бы они вдруг узнали, что стали великими, богатыми или знаменитыми благодаря чужим усилиям и способностям, благодаря неким существам - Граничникам.

Я пошел на кухню, к раковине.

- Это ты, Стив? - крикнула мама из комнаты.

- Да. Я хочу пить.

- Где ты был?

- Тут, недалеко.

- Только никуда не убегай, - еще раз предупредила мама.

- Нет, мам, не убегу.

Я влез на стул, достал очки, которые папа положил на полку, предупредив, чтобы я их больше

не трогал, и сунул в карман.

Услышав мамины шаги, я тихо выскользнул за дверь. Очки я надел только возле изгороди Картеров. Я шел по дороге вдоль забора внимательно всматриваясь, когда, наконец, заметил в закутке сада группу Граничников. Они ссорились из-за чего-то, явно меня не замечая, пока я не подобрался совсем близко. Тогда они повернулись и я сообразил, что они разговаривают меж собой, показывая на меня. У одного из них на голове, сдвинутый на лоб, был надет мой телебиовизор.

Значит Малыш действительно видел предметы, которые папа Чистюли опускал в свою машину.

Поначалу Граничники, кажется, не догадывались, что я их вижу, стали спокойно приближаться. Я почувствовал, как волосы у меня встают дыбом. С большей охотой я бы повернулся и удрал. Но тут же вспомнил, что они не могут мне ничего сделать и перестал их бояться.

Они видели, что я без оружия, а может даже и не знали о ружье папы Малыша. Они вертелись вокруг меня совсем как стая ворон. Те тоже смело приближаются к безоруженному, но держатся подальше от человека с ружьем в руках.

Я заметил, что Граничники шевелят губами,

показывая на мой телебиовизор. Но, конечно, не слышал ни слова. Я не обращал внимания на их жесты, рассматривал их и думал, что с ними случилось? Может я встретил другую стайку, чем на лугу у Энди, или они здорово изменились? Они еще напоминали Энди, но больше - кого-то другого и очень знакомого.

Наконец, я заметил, как многозначительно они показывают на мой телебиовизор, а потом на свои головы, и догадался, что каждый просит телебиовизор для себя.

Я не знал, что им отвечать, но тут они расступились: кто-то сзади толкнул их, и… я оказался лицом к лицу с Мохнатиком. Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не шевелясь. А потом он шагнул вперед, и я шагнул, так что мы едва не стукнулись носами. Я испугался, что сейчас пройду сквозь него. Интересно, что бы тогда случилось? Наверное, ничего особенного.

- Ну как ты? Все в порядке? - спросил я, надеясь, что даже если он не услышит, хоть прочитает по моим губам то. что я ему говорю, но он покачал головой. Я спросил еще раз, медленнее, выговаривая слова как можно четче. Но он вновь покачал головой. Мне пришла в голову другая идея. Я принялся выводить пальцем на невидимом стекле,

которое нас разделяло.

ЧТО С ТОБОЙ? Я писал медленно, потому что ему приходилось читать задом наперед. Он не понял, я написал еще раз, и тут-то он сообразил в чем дело.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ответил он и медленно дописал: ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА!

Я стоял и смотрел на него, и это было ужасно, потому что он находился там, а я не знал, как его оттуда вытащить. Видимо, он прочитал мои мысли, потому что подбородок у него затрясся, и я впервые увидел Мохнатика плачущим. А ведь он не плакал даже при раскопках ящерицы, когда тяжелый камень упал ему на ногу.

Я догадался, как это должно быть страшно: сидеть там и все видеть, но самому оставаться невидимым. Может он даже вертелся среди тех, кто его искал, в надежде, что его случайно заметят. Или, еще хуже, шел рядом со своим папой, а папа даже не догадывался. Наверное, он ходил домой и смотрел на свою семью, что было просто ужасно, ведь они не знали о его присутствии. И уж, надо думать, он искал Малыша, который мог его увидеть, но Малыш лежал дома больной.

У меня вдруг появилась одна идея. Сначала я подумал, что ничего из нее не выйдет, но чем

дольше я вдумывался, тем хитроумнее мне казался мой план.

Я написал Мохнатику: ВСТРЕТИМСЯ У ЧИСТЮЛИ.

Сунул очки в карман и помчался домой. Я пробрался в дом через сад, боясь, что мама меня заметит и больше уже не отпустит. Потом пролез в сарай, достал длинную веревку и, отыскав ножовку по металлу, вынул полотно. Все это я захватил с собой, направившись к Чистюле. Их сарай стоял за сеновалом, так что из дома меня не видели, а, впрочем, дома никого и не было. Я знал, что папа Чистюли, а может и сам Чистюля, ищут Мохнатика вместе со всеми, ведь они могут подняться в воздух над местами, куда никому не забраться.

Положив на землю веревку и пилку, я надел очки и у самых дверей сарая увидел Мохнатика. С ним было несколько Граничников, в том числе и тот, с моим телебиовизором на голове. А вокруг сарая, как предполагал Малыш, валялись тарелки, кружки, деревяшки и много всякого другого хлама, который папа Чистюли опускал в машину времени.

Я еще раз посмотрел на Граничников и понял, что в них изменилось - они напоминали Мох-

натика. Поэтому-то и сгорел сеновал Картеров; Граничники теперь следовали за Мохнатиком и перестали защищать Энди. Ясное дело - им интереснее с настоящим живым существом, которое среди них, чем с неуклюжим Энди, на которого приходится смотреть через стекло.

Я снял очки, сунул в карман и принялся за работу. Перепилить дужку замка оказалось не очень легко. Сталь была дьявольски твердая, а пилка тупая. Я боялся, что она сломается, прежде чем я закончу, и злился на себя за то, что не взял хотя бы пары запасных.

Я страшно шумел, потому что забыл захватить масло, но меня никто не засек.

Перепилив, я открыл дверь и вошел в сарай, где стояла машина времени. Я спрятал веревку и подошел к пульту, чтобы разобраться, и легко включил машину. В воронке забулькала белая пена. Я достал веревку, надел очки и страшно испугался. Сарай стоял на небольшом склоне, пол приподнимался на три-четыре фута над землей, поэтому мне показалось, что я вишу в воздухе.

У меня возникло такое ощущение, что я вот-вот упаду. Конечно, я знал, что мне ничего не грозит - ведь я стоял на невидимом, но настоящем полу. Знать-то я знал, но меня не покидало непри-

ятное, похожее на сон ощущение, что сейчас я шлепнусь.

И, что самое ужасное, подо мной стоял Мохнатик - его голова находилась на уровне моих ботинок. Он очень хотел выбраться и знаками показывал мне, чтобы я поскорее вытащил его.

Я очень осторожно опустил веревку в воронку и сразу почувствовал, как ее тянет и всасывает в себя белый водоворот. Я посмотрел вниз и увидел, что веревка свисает над местом, где стоит Мохнатик. Он подпрыгнул, схватился за нее, и я сразу почувствовал его немалый вес.

Мохнатик был примерно моего роста, может чуть пониже, и я прикинул, что тянуть мне придется его изо всех сил. Я намотал веревку на руку, чтобы она не выскользнула, и потянул, но веревка даже с места не двинулась, будто ее привязали к дому. Я присел и пригляделся к подставке машины. Удивительно, но веревка доходила до самого конца горловины воронки, потом прерывалась на фут или два, и снова продолжалась. За этот нижний ее кусок и держался Мохнатик. Выглядело это очень странно, ведь веревка должна опускаться в мир Граничников одной непрерывной линией, но она по пути куда-то сворачивала.

Вот почему я не мог его вытащить. Вот почему

можно бросить в машину времени любой предмет, но обратно достать уже нельзя.

Я смотрел на Мохнатика, а он на меня. Вид у него был настолько жалкий, что до меня дошло - он все видит и все понимает.

И тут заскрипела дверь сарая. Я вскочил, не выпуская веревки из рук. В дверях стоял папа Чистюли. Он был очень сердит, что меня не удивило.

- Стив, - сказал он, с трудом сдерживаясь. - Я, кажется, говорил тебе, чтобы ты сюда не входил.

- Да, - воскликнул я, - но там Мохнатик.

- Мохнатик?! - переспросил он, а потом понизил голос. - Ты, кажется, не соображаешь, что говоришь! Каким образом он мог туда попасть?

- Не знаю, - ответил я, хотя знал и мог бы ему рассказать, только очень растерялся.

- На тебе очки, которые сделал папа Малыша? Ты видишь Мохнатика?

- Вижу, кивнул я, - как на ладони.

И отпустил веревку, чтобы снять очки. Веревка молниеносно ускользнула в воронку.

- Стив, - сказал мне папа Чистюли, - скажи, пожалуйста, правду: ты не выдумываешь? Не шутишь?

Он странно побледнел, и я знал, о чем он дума-

ет: если Мохнатик угодил в машину, то виноват прежде всего он.

- Чтоб мне провалиться, - ответил я.

Видимо, этой клятвы оказалось достаточно, так как он выключил машину и вышел. Я за ним.

- Подожди меня здесь, - сказал он. - Я сейчас вернусь.

Он стремительно взмыл над лесом, и я тут же потерял его из виду.

Я сел, опершись спиной о стену сарая, а настроение у меня было ужасное. Я знал, что должен надеть очки, но специально не вынимал их из кармана, потому что не представлял себе, как посмотрю Мохнатику в глаза.

Я боялся, что все потеряно: ни я, ни кто другой на свете не спасет Мохнатика. Он пропал для нас навсегда. И даже хуже, чем пропал.

Сидя так, я выдумывал разные страшные наказания, которые обязательно применю к Чистюле. Я не сомневался, что это он, открыв сарай, скрутил Мохнатика - словно кота - и бросил в воронку машины.

Его разозлила история со скунсом, перекрашенным в кота, и я, как только узнал о ней, не сомневался, что он не отстанет от Мохнатика, пока не сведет с ним счеты.

Пока я размышлял, появился папа Чистюли, а с ним запыхавшийся Чистюля, шериф, папа Малыша и другие соседи. Шериф подошел прямо ко мне, схватил за плечо и сильно встряхнул.

- Что означает весь этот бред? - рявкнул он. - Предупреждаю, парень: эта история для тебя плохо кончится, если окажется, что ты над нами смеешься.

Я попытался вырваться, но он меня не отпускал. Тогда к нему подошел мой папа и толкнул в грудь, так что шериф отлетел в сторону.

- Не трогай мальчика, - спокойно сказал папа.

- Но ты, кажется, сам не веришь в эту галиматью? - выпалил шериф.

- Представь себе, сейчас верю каждому слову. Мой сын не станет врать!

Бывает, папа ругается, а то и ремень возьмет да всыпет как следует, но в критической ситуации на его помощь можно рассчитывать.

- Должен тебе напомнить, Генри, - сказал шериф, - про твою стычку с Энди Картером. Едва удалось убедить его не передавать дело в суд.

- Энди Картер... - сказал папа значительно спокойнее, чем можно было ожидать. - Это тот тип, что живет недалеко от нас. Кто-нибудь видел его в последнее время?

Он оглянулся по сторонам, но все молчали.

- В последний раз я говорил с Энди по телефону, - сказал папа, - когда просил его помочь нам. Он ответил, что у него работы невпроворот, чтобы еще заниматься поисками пропавшего щенка какого-то там инопланетянина. И добавил, что им же лучше будет, если они отправятся ко всем чертям.

Папа посмотрел на собравшихся, но ему никто не возразил. Думаю, с папиной стороны было не очень вежливо говорить такие вещи в присутствии папы Мохнатика и папы Малыша, и других инопланетян. Но, святая правда, Энди говорил все это вслух и только папа имел смелость пересказать им ее прямо в глаза.

Тут кто-то начал говорить, а вернее, все сразу, так что я не разобрал, чей это был голос.

- А я вам говорю, ребята, что по справедливости все вышло с сеновалом Картера.

Шериф нахмурился:

- Если узнаю, что кто-то из вас в этом замешан, то я…

- Ничего ты не сделаешь, - сказал папа и повернулся ко мне. - Стив, что ты хотел рассказать? Обещаю, что все тебя выслушают, и никто не станет перебивать.

Сказав это, он внимательно посмотрел на шерифа.

- Минутку, - попросил папа Малыша, - я хочу подчеркнуть одну важную деталь. Я знаю, что этот мальчик видит Граничников, ведь я сам сделал ему специальные очки. И, может быть, это нескромно с моей стороны, но я хочу заверить вас, что я квалифицированный оптик.

- Спасибо, - сказал папа. - Ну, а теперь, Стив, говори.

Но, едва я успел рот открыть, из-за сеновала появился Малыш со своим ружьем. Во всяком случае, я не сомневался, что это за ружье, хотя оно не было похоже на обычное охотничье. Обычная палка, блестевшая на солнце множеством призм и зеркалец, установленных под разными углами.

- Папа! - крикнул он. - Я узнал, что произошло, поэтому пришел с ружьем. Надеюсь, не опоздал.

Он подбежал к своему папе, который взял у него ружье и поднял так, чтобы все видели.

- Спасибо, сынок, - сказал он. - Но ружье нам не понадобится. Сегодня мы не будем стрелять.

И тут Малыш закричал:

- Он там, папа! Там Мохнатик!

Не знаю, все ли поверили, что он увидел Мохнатика. Многие наверняка сомневались, но сидели

тихо, потому что не хотели спорить с моим папой. Конечно, Малыш увидел его без этих дурацких очков, но он инопланетянин, а от инопланетян всего можно ожидать.

- Ну, хорошо, - согласился шериф, - может он и там. Но что нам в данной ситуации удастся сделать?

- Кажется, немногое, - сказал мой папа, - но там его оставлять нельзя. - Он посмотрел на папу Мохнатика. - Вы не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем.

Но я отлично понял, почему он говорит так уверенно: чтобы папа Мохнатика не думал, что мы признали свое поражение. Что касается меня, то я полностью потерял надежду. Если нельзя вытащить его тем же путем, каким он туда попал, то иного способа я не видел. Ведь в мир Граничников не было двери.

- Джентльмены, - воскликнул папа Малыша, - у меня есть идея.

Мы все повернулись к нему.

- Это ружье, - сказал он, - служит для уничтожения Граничников. Оно приподнимает завесу между двумя мирами, чтобы пропустить заряд. Его можно переделать, и мне кажется…

- Мы не станем стрелять в мальчика, - сказал

шериф, - даже если решили освободить его оттуда.

- Я не собираюсь в него стрелять, - объяснил папа Малыша. - В ружье не будет патрона, мы попробуем использовать его только для того, чтобы пробить завесу, разделяющую два мира. А я постараюсь настроить ружье так, чтобы дыра получилась как можно шире.

Он сел на землю и стал возиться с ружьем, переставляя призмы и поворачивая зеркальца.

- Есть одна существенная деталь, - сказал он, - дыра существует только одно мгновенье. Парень должен приготовиться, чтобы не прозевать и прыгнуть сразу же, как появится отверстие.

Он повернулся ко мне.

- Стив, ты можешь ему объяснить?

- Объяснить?

- Сказать ему. Знаками, или губами, или еще как?

- Конечно, могу.

- Тогда начинай.

Я надел очки, огляделся и увидел Мохнатика. Прошло много времени, прежде чем он понял, что от него требуется. Нам мешали Граничники, которые все время кружили рядом и показывали то на мой телебиовизор, то на свои головы.

Минут через двадцать я сказал папе Малыша, что мы готовы. Папа протянул Малышу ружье. Все расступились, остался только Малыш с ружьем и я позади него. А там, в другом мире, стоял Мохнатик, окруженный дурацкими Граничниками, которые, судя по всему, не были знакомы с ружьем инопланетян, иначе бы они разбежались. Мохнатик побледнел, будто его поставили к стенке и собрались расстрелять.

Краем глаза я заметил Чистюлю, который как раз отплывал в сторону…

Но тут же все призмы и зеркальца на ружье Малыша задвигались. Вероятно, он нажал на спуск. А затем нас ослепила яркая вспышка.

На мгновение прямо напротив нас, в воздухе, открылась удивительная дыра с рваными краями. И я увидел, как Мохнатик, одновременно с ее появлением, прыгает сквозь нее.

И снова Мохнатик был среди нас - он как раз пытался удержаться на ногах после этого прыжка - но не один. Он выдернул за собой одного из Граничников, крепко держа его за руку, очевидно вытащив силой, потому что физиономия у Граничника была не слишком довольной. Я сразу понял, что это тот самый, с моим телебиовизором на голове.

Мохнатик подтолкнул Граничника в мою сторону и сказал:

- Только так я мог вернуть тебе телебиовизор.

Он отпустил руку Граничника, а я быстро схватил его за другую и с удивлением обнаружил, что она вполне осязаема. Я бы не удивился если б моя рука прошла сквозь нее насквозь, потому что Граничник все еще выглядел туманным и бестелесным, хотя вроде загустел немного.

Папа подошел ко мне и сказал:

- Осторожно, Стив!

- Ничего страшного. Он даже не пытается убежать.

В этот момент раздался крик, я обернулся: несколько Граничников уцепились за края дыры в свой мир, удерживая их так, чтобы они не сомкнулись, а остальные лезли сквозь дыру, толкаясь и ссорясь; мне показалось, что их стало гораздо больше, чем я предполагал.

Мы стояли и смотрели, пока они не влезли все. Никто не пошевелился, да и что мы могли сделать? И они тоже стояли и глазели на нас, сбившись в кучу.

Шериф, сдвинув шляпу на самый затылок, подошел к папе, и я увидел, что он обалдел окончательно, но его ошарашенный вид доставил

мне удовольствие, ведь он все еще отказывался верить в Граничников. Не знаю, может он еще надеялся, что это очередные фокусы инопланетян? Только, по-моему, не надо излишне-то и голову напрягать, чтобы понять, что у них про запас осталось много удивительного кроме этого.

- Как получилось, - подозрительно спросил он, - что у одного из них на голове телебиовизор?

Я объяснил ему, а он в ответ лишь глазами заморгал, но сказать ничего не смог.

И тут все заговорили одновременно, но папа Чистюли, поднявшись над нашими головами, сделал знак рукой, призывая к тишине.

- Минуточку! Прежде чем мы займемся решением серьезных вопросов, *я хотел* бы сказать вот что. Зная историю со скунсом, вы правильно считаете, что наша семья в значительной степени несет ответственность за происшедшее.

В устах человека это звучало бы глупо и высокопарно, но папе Чистюли как-то сошло.

- Поэтому, - сообщил он, - должен вас проинформировать, что виновник - мой сын - в течение ближайших тридцати дней будет ходить по земле. Ему нельзя будет подняться даже на дюйм в воздух. Если это наказание окажется недостаточным…

- Хватит, - прервал его папа, - парень должен получить по заслугам, но нельзя над ним издеваться.

- Простите, - начал папа Мохнатика, - если это не столь необходимо...

- Я не изменю своего решения, - ответил папа Чистюли. - Я просто не вижу другого способа.

- Может быть, - крикнул шериф, - кто-нибудь мне, наконец, объяснит, что всё это значит?

- Слушай, шериф, - обратился к нему папа, - понимаешь ты или нет - сейчас не важно, а объяснять тебе - слишком долго. У нас есть более существенные дела. - Он слегка повернулся, чтобы стать лицом к собравшимся. - Ну, так что будем делать? У нас гости. А раз эти создания приносят счастье, мы должны к ним относиться самым лучшим образом.

- Папа, - я потянул его за рукав, - я знаю как можно привлечь их на нашу сторону. Каждый из них хочет иметь свой собственный телебиовизор.

- Это правда, - сказал Мохнатик, - все время, пока я там был, они приставали ко мне с вопросами, как и где достать телебиовизор. И все время ссорились из-за того, кто следующий будет пользоваться телебиовизором Стива.

- Вы хотите сказать, что эти существа умеют

говорить? - спросил шериф слабым голосом.

- Конечно, умеют, - ответил Мохнатик. - Там, в своем мире, они способны на такое, о чем мы даже не могли догадываться!

- Если так, - с удовлетворением сказал папа, - то это не слишком высокая цена за удачу, которую они нам принесут. Сбросимся и купим нужное количество телебиовизоров. Может, удастся со скидкой…

- Но, если мы дадим их Граничникам, - перебил его папа Малыша, - то нам от них не будет никакой пользы. Мы перестанем быть им нужны. Свои образцы они начнут черпать из телебиовизоров.

- Что ж, - сказал папа, - если так, то мы, по крайней мере, от них избавимся. Они перестанут преследовать нас несчастьями.

- Как ни крути, ничего хорошего из этой затеи не выйдет, - заявил папа Малыша, который явно недолюбливал Граничников. - Они живут стаями. Всегда так было. И они никогда не помогали всем, только одному человеку или, в лучшем случае, одной семье. Нам не удастся поделить их так, чтобы они всем приносили пользу.

- Если послушаете меня чуток, мужики, - объявился Граничник с моим телебиовизором на голове, - то я вам все растолкую.

Должен сказать, что его голос вызвал у нас шок. Трудно было представить, что они вообще умеют говорить. А тут еще таким языком и таким тоном. Вылитый Энди Картер! Он тоже - либо просто ругался, либо выражался с грубоватой язвительностью. И этот Граничник, который столько лет жил по его образцу, просто не умел говорить иначе.

Мы стояли, уставившись на Граничников, а они так усиленно кивали головами, что едва не сломали себе шеи.

Первым опомнился папа.

- Валяй, - сказал он Граничнику. - Мы тебя слушаем.

- Мы будем с вами якшаться, только чтобы все по-честному. Мы будем вас оберегать от несчастий и другой фигни, но за это вы дадите нам телебиовизоры - только без трепа, ясно? По одному для каждого. И на вашем месте я не стал бы хитрить.

- Звучит вполне разумно, - сказал папа. - Ты имеешь в виду нас всех?

- Как есть всех, - ответил Граничник.

- Значит, вы разделитесь? На каждого из нас будет приходиться по крайней мере один из вас? И вы больше не будете жить группами?

- Я думаю, - вмешался папа Чистюли, - мы можем на них положиться. Я понял, что хотело сказать это существо. Почти та же история, что и с родом человеческим на Земле.

- А что такое случилось с родом человеческим на Земле? - с легким удивлением спросил папа.

- Исчезла потребность групповой жизни. Когда-то люди были вынуждены жить семьями или племенами. А потом появились патефон, радио, телевидение - исчезла потребность в общении. У каждого человека есть уйма развлечений дома. Ему не надо даже выходить из своей комнаты, чтобы увидеть мир. Поэтому зрелища и развлечения массового характера постепенно вымерли.

- Вы думаете, что то же самое произойдет с Граничниками, когда мы снабдим их телебиовизорами?

- Наверняка, - ответил папа Чистюли, - мы устроим им, как я сказал, индивидуальное развлечение. И, таким образом, у них исчезнет потребность в групповой жизни.

- Клево сказано, приятель! - с энтузиазмом воскликнул Граничник. Остальные согласно закивали головами.

- Но это ничего не даст! - крикнул папа Малыша, разозлившись не на шутку. - Ведь они теперь в

нашем мире, и неизвестно, смогут ли они здесь что-нибудь для нас сделать.

- Заткнись, пожалуйста, - сказал Граничник. - Конечно, здесь мы ничего не сможем для вас сделать. В вашем мире мы не можем заглядывать вперед. А чтобы мы были вам полезны, это необходимо.

- Значит, как только мы дадим вам телебиовизоры, вы вернетесь к себе? - спросил папа.

- Еще бы! Там наш дом, и попробуйте только нас туда не пустить!

- Мы не станем вам мешать, - ответил папа. - Наоборот, даже поможем вернуться туда. Дадим вам телебиовизоры, а вы возвращайтесь и беритесь заде ло.

- Мы будем работать честно, - заверил Граничник, - но нам нужно время зырить телебиовизор. Идет?

- Ладно, - согласился папа.

Я выбрался из толпы. Все как-то устроилось, а я уже был сыт по горло. Хватит с меня всяких историй.

Возле сеновала я увидел Чистюлю, медленно бредущего по земле. Он шел с большим трудом, но мне почему-то ничуть не было его жалко. Сам виноват.

На мгновение мне подумалось, а не подойти ли к нему, и не наподдать, за тот раз, когда он вывалял меня в грязи. Но потом я сообразил, что с моей стороны это означало - бить лежачего, ведь он и так наказан собственным папой на тридцать дней.

УПАСТЬ ЗАМЕРТВО

Всем известно, что после посадки космического корабля на девственной планете проходит не менее недели, прежде чем первый представитель местной фауны решится покинуть свое убежище и выползет осмотреться. Но на этот раз…

Не успели мы открыть люк и спустить трап, как стадо куставров тут же сгрудилось вокруг корабля. Они стояли, плотно прижавшись один к другому, и выглядели неправдоподобно. Казалось, они покинули рисунки карикатуриста, допившегося до белой горячки, и, как часть его бреда, явились нам. Размерами они превосходили коров, но явно проигрывали последним в грациозности. Глядя на куставров можно было предположить, что форма их тел возникла в результате постоянных столкновений с каменной стеной.

Разноцветные пятна - фиолетовые, розовые, изумрудные и даже оранжевые - покрывали бугристые синие шкуры этих блаженных созданий. Оригинальная расцветка, которую не имеет ни одно уважающее себя существо. Суммарно пятна

складывались в подобие шахматной доски, сшитой из лоскутов, хранившихся в сундуке старой сумасшедшей лэди.

Если начистоту, не это было самым жутким…

Из их голов, туловищ и всех остальных частей тел тянулись вверх многочисленные побеги, создавая впечатление, что существа прячутся в зарослях молодого кустарника, вернее, неумехи пытаются прятаться. Довершали эту картину, делая ее совершенно безумной, фрукты и овощи - или то, что могло напоминать фрукты и овощи, - росшие на побегах.

Мы спустились по трапу на зеленую лужайку перед кораблем. Несколько минут прошли в молчании: мы разглядывали куставров, они - нас, пока одно из существ не двинулось в нашу сторону. Оно остановилось в двух-трех метрах, подняло печальные глаза и упало замертво к нашим ногам.

Тут же стадо развернулось, и куставры неуклюже топоча поползли прочь, как будто выполнили возложенную на них миссию, удовлетворили собственное любопытство и отправились по домам.

Джулиан Оливер, ботаник, поднял трясущуюся руку и смахнул с лысины капельки пота.

- Очередная эточтовина… - простонал он. - Ну

почему, объясните мне, нам никогда не везет? Почему мы не можем высадиться на планете, где все ясно и просто?

- Потому что они существуют в мечтах, - ответил я. - Вспомни кустарник с Гэмал-5, который в первую половину жизни неотличим от спелого земного помидора, а во второй перерождается в ядовитый плющ опасный для человека по категории А.

- Я помню, - печально отозвался Оливер.

Макс Вебер, биолог, осторожно приблизился к упавшему куставру и легонько пнул тушу ногой.

- Все дело в том, - неторопливо начал он, - что гэмалианский помидор - подопечный Джулиана. А эти существа... Как вы их обозвали? Да, куставры. Так вот, они всем стадом взгромоздятся на мою тонкую шею.

- Так уж и на твою! - запротестовал Оливер. - Что, к примеру, ты можешь сообщить нам о кустарнике на теле существа? Ничего конкретного. Вот и получается, что мне с куставрами придется повозиться не меньше твоего.

Я быстро подошел к ним, чтобы прервать спор. Вебер и Оливер не прекращают его уже в течение двенадцати лет, именно столько, сколько я их знаю. Ни две дюжины планет, на которых мы

работали, ни сотни парсеков не смогли изменить их взаимоотношений. Я отлично знал, что остановить спор невозможно, но в данной ситуации имело смысл отложить его на некоторое время.

- Прекратите, - вмешался я. - Через пару часов наступит ночь. Надо решить вопрос с лагерем.

- Но куставр... - начал было Вебер. - Мы не можем оставить его лежать...

- Почему бы нет? На планете их многие миллионы. А этот пусть лежит.

- Но ведь существо упало замертво! Ты же сам видел!

- Да, видел, но именно этот куставр был старым и больным.

- Нет. Существо находилось в расцвете сил.

- Давай перенесем беседу о физическом состоянии куставра на вечер, - подключился к разговору Альфред Кэмпер, бактериолог. - Я заинтригован не меньше твоего, но Боб прав: надо решить вопрос с лагерем.

- И еще, - добавил я, сурово поглядывая на своих товарищей, - каким бы безопасным и благополучным ни выглядел этот мир, мы обязаны строго соблюдать все пункты инструкции: ничего не рвать и не есть. Пить только ту воду, которую мы привезли с собой. И не совершать ночных

прогулок в одиночку. Ни малейшего проявления беспечности!

- Но ведь на планете ничего нет, лишь бесчисленные стада куставров. Нет ни деревьев, ни холмов, ни… одним словом, ничего. Это не планета, а бескрайнее пастбище, - Вебер никак не мог утихомириться, а ведь он знает все правила и инструкции не хуже меня. Просто не в его характере сразу же соглашаться.

- Так что будем делать, парни? - спросил я. - Устанавливаем палатки? Или еще одна ночь на борту корабля?

Мой вопрос, как я и предполагал, попал точно в цель, и еще до захода солнца небольшой палаточный городок вырос невдалеке от корабля. Карл Парсонс, эколог, а по совместительству повар, установил разборную походную печь и, не успели мы вбить последний колышек, он громогласно провозгласил: «Ужин!». Все бросились к столу, а я поплелся к своей палатке. Как обычно, ребята дружно засмеялись, после чего набросились на еду.

Три раза на дню, иногда и чаще, я обмениваюсь с друзьями «своеобразными комплиментами». Никаких обид и недомолвок не возникает - они постоянно прохаживаются по поводу моей диеты,

ну и я в долгу не остаюсь. Мне кажется, что прием пищи превратился в своеобразный ритуал - обмениваясь шутками и остротами, мы тем самым ликвидируем стрессовые ситуации. Недаром все двенадцать лет состав отряда не менялся.

Сев на койку, я достал свою сумку с набором диетических блюд, смешал компоненты и начал запихивать в себя липкую безвкусную массу. Тут-то меня и настиг запах жареного мяса. Подхватив сумку, я ретировался в дальний угол лагеря. Ей-богу, в такие моменты я готов отдать свою правую руку за кусок мяса, слегка недожаренного, с кровью.

От диетической пищи не умирают, но этот факт - единственное утешение. Представляете - у меня язва желудка! Если вы спросите любого знакомого медика, что это за болезнь такая, то он ответит вам, что ее давно не существует. Да, слово «язва» звучит архаично и смешно. Но мой желудок - загадка для всех врачей! Вот почему я вынужден таскать за собой по всей Галактике сумку с диетическими блюдами.

После ужина ребята подтащили тушу куставра поближе к лагерю, чтобы при свете ламп внимательно осмотреть существо. Через несколько минут досконального изучения рассеялись по-

следние сомнения, касавшиеся удивительной растительности. Мы убедились, что побеги составляют неотъемлемую часть существа и растут из бугристых участков тела строго определенной расцветки.

Еще через несколько минут Вебер, открыв от удивления рот, обнаружил на некоторых буграх лунки, как будто для игры в гольф, но меньшего размера. Он достал перочинный нож и выковырнул из одного отверстия насекомое, очень похожее на пчелу. Мы не поверили собственным глазам; Вебер проверил еще несколько отверстий-лунок и обнаружил еще одну пчелу, мертвую, как и в первом случае.

Вебер и Оливер хотели тотчас же начать вскрытие, но нам удалось отговорить их. Мы разыграли, кому из нас дежурить первому и, конечно, короткую соломинку вытянул я.

Особой необходимости в охране лагеря не было; сигнальная система надежно защищала нас, но имелось дополнительное предписание чтобы выставлять караул.

Я нехотя отправился на поиски ружья, а ребята, пожелав мне спокойной ночи, разошлись по палаткам. Их голоса еще долго доносились из темноты.

Первая ночь на неизведанной планете всегда проходит одинаково. Как бы вы ни устали от работы, как бы равнодушно ни относились к ней - вам едва ли удастся заснуть, будь вы зеленый новичок или прокопченный космический волк.

Я сидел при свете лампы. На любой другой планете мы разожгли бы костер - языки пламени создают иллюзию родного дома, но здесь не было даже соломы, ни говоря о щепочках или настоящих дровах.

Лампа стояла на столе рядом со мной, а на противоположном краю лежала туша куставра. Давно я не чувствовал себя так неуютно, хотя время моих беспокойств еще не наступило. Моя специальность - экономика сельского хозяйства; основная задача - оценить отчеты специалистов отряда и сделать соответствующий вывод о возможности колонизации планеты.

Но сидя один на один с этим удивительным существом - куставром - я не мог отделаться от мысли, что оно спутало нам все карты. Я безуспешно пытался отвлечься, и мысли мои неизменно возвращались к его загадкам, так что я рад был увидеть рядом с собой даже Талбота Фуллертона, Четырехглазого, выплывшего из темноты.

Во время полета Фуллертон скорее напоминал тень, а не человека. Он был апатичен и безлик, и его не замечали ни я, ни мои коллеги. Но сейчас Четырехглазый выглядел взволнованным.

- Перебрал впечатлений? - спросил я.

Он рассеянно кивнул, продолжая таращиться в темноту.

- Удивительно, - сказал он. - Удивительно, если окажется, что эта планета - та самая.

- Не окажется. Ты ищешь Эльдорадо. Охотишься за сказкой. Стреляешь холостыми патронами.

- Однажды эту планету уже нашли, - упрямо продолжал Фуллертон. - Мы располагаем соответствующими записями о ней.

- Ну, конечно! Мемуары об Атлантиде и Золотых Людях. Воспоминания об Империи Пресвитера Иоанна. Отчет о Северо-Западном Проходе в истории древней Земли. Описание Семи Городов. И другие повести в том же духе.

Лицо Фуллертона вытянулось, дыхание участилось, глаза заблестели. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

- Саттер, - изумленно произнес он, - не могу понять, зачем вы все время издеваетесь надо мной. Я знаю наверняка, что где-то во Вселенной существует бессмертие. Секрет бессмертия уже

найден, и Человечество обязано отыскать это место! Сегодня в распоряжении человека безграничные возможности космоса - миллионы планет. Проблема жизненного пространства полностью решена. Бессмертие, говорю я вам всем, - вот следующая ступень развития Человечества!

- Прекрати! - рявкнул я. - Забудь все, что сказал!

Но уж если Четырехглазого понесло, его не остановишь никакими силами.

- Оглянитесь, - продолжал он. - Эта планета идентична Земле. Даже солнце ее находится на той же стадии эволюции звезд, что и земное Солнце. Плодородная почва, идеальный климат, обилие воды! Сколько пройдет лет, прежде чем люди заселят эту планету?

- Тысяча лет. Пять тысяч. Может, и больше.

- Правильно! Бесчисленное количество миров только того и ждут, чтобы их заселили. Но человек вынужден оставлять их в неприкосновенности по одной простой причине - он смертен. Следует еще сказать и о...

Я терпеливо сидел, выслушивая его бесконечные «сказать и о...», но все его рассуждения имели один вывод - смерть ужасна. Если бы вы только могли знать, как мне надоели все эти разговоры.

Ведь каждый отряд обязан иметь в своем составе Четырехглазого! Они все настоящие безумцы, но такого фанатика, как Фуллертон, еще не было; к тому же, этот полет был у него первым. Я попытался отключиться, поминая недобрыми словами Институт Бессмертия, присылающий нам Четырехглазых...

А Фуллертон все говорил и говорил. Идеализм, замешанный на настырности в поисках бессмертия прямо-таки бурлил в нем. Впрочем, каждый Четырехглазый пытался произвести впечатление эдакого Прометея, пылая неистовой уверенностью в правильности своих предположений, что человек обязан жить вечно, а бессмертие вскоре, буквально со дня на день, будет найдено. В качестве доказательства каждый из них рассказывал байку о безымянном космическом корабле, затерявшемся на безымянной планете в давно забытом году - после того, как экипаж корабля обнаружил бессмертие. Бред, конечно. И все же, благодаря стараниям Четырехглазых, правительственным субсидиям и миллиардным дарам и пожертвованиям, миф продолжает жить. Глупцы, богатые и бедные, верят рассказам о бессмертии и регулярно переводят на счет Института деньги, но, тем не менее, продолжают

умирать с обычным постоянством. Щедрость не окупается.

- Куда это ты все время поглядываешь? - спросил я Фуллертона, надеясь охладить его пыл. - Что там - человек, животное, растение?

- Нет! - торжественно произнес он, как судья, зачитывающий приговор. - Я вижу там нечто такое, о чем не могу вам сказать!

Да будь я проклят! Что он о себе воображает?

И я продолжил подкалывать его, чтобы быстрее пролетело время моего дежурства. Фуллертон, наш Четырехглазый, оказался самым молодым и, что всего хуже, самым прилипчивым и занудным из всех Очкариков, беседовавших со мной. Он раздражал меня все сильнее; фанатики никогда не прислушиваются к мнению собеседника!

- А как ты определишь, что нашел именно то, что искал?

Он не ответил. Его сопение заставило замолчать и меня - того и гляди разрыдается.

Так мы и сидели, не возобновляя разговор. Потом он достал из кармана зубочистку, сунул в рот и начал неторопливо жевать. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует; по-моему, нет более отвратительной привычки, чем жевать зубочистки, к тому же в самые неподходящие

моменты. Думаю, он почувствовал мое тайное намерение, выплюнул изжеванную зубочистку и молча удалился.

Я оглянулся на корабль. Света лампы хватало, чтобы прочесть надпись на борту: «Кэф 7 - *ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНСТВО 286*». Этой небольшой надписи достаточно, чтобы нас узнали в любом уголке Галактики.

Известно, что Кэф 7 - экспертная сельскохозяйственная планета, так же как Альдебаран 12 - планета, занимающаяся медицинскими исследованиями, а Капелла 9 - планета Университетов. Да что говорить, каждая планета специализируется на исследованиях в одной, строго определенной области.

Следует добавить, что Кэф снаряжает многочисленные исследовательские экспедиции, такие, как наш отряд.

Мы разведываем новые миры, выискиваем растения и животных, пригодных для дальнейших экспериментальных исследований. Правда, до сих пор похвастаться особыми успехами мы не можем. В нашем активе лишь несколько видов трав, прижившихся на элтенианских мирах. Остальные находки не причислишь к достижениям. Да, до сих пор Фортуна упорно повора-

чивалась к нам спиной. Достаточно вспомнить ядовитый плющ. Работаем мы столь же упорно, как и остальные отряды, но оказывается, что от одного старания проку мало. Иногда, особенно вечерами, становится ужасно обидно: ну почему кто-то возвращается с ценнейшими находками, приносящими славу и деньги, а мы выщипываем лишь жалкую траву? А еще чаще возвращаемся и вовсе с пустыми руками.

Жизнь исследователя нелегка; иногда приходится работать в невероятно тяжелых условиях. Из таких полетов ребята возвращаются выжатые, как лимоны, если возвращаются…

Но сегодня, похоже, нам невероятно повезло. Тихая мирная планета, идеальный климат, ландшафт без излишеств, а главное - отсутствие враждебно настроенной живности и ядовитой растительности.

Вебер, конечно же, проспал. Появившись, он подошел к столу и выпучился на тушу куставра, будто впервые увидел существо.

- Фантастика, а не симбиоз, - сказал он, обходя вокруг стола, но не отрывая от куставра взгляда. - Мозг просто отказывается воспринимать сию зрительную информацию. Если бы существо не лежало перед самым моим носом, я бы ска-

зал, что подобное невозможно. Ведь симбиоз ассоциируется с простейшими формами живых организмов.

- Ты имеешь в виду кустики на теле куставра? И пчел?

Он кивнул.

- Почему ты уверен, что это именно симбиоз?

- Не знаю, - тихо ответил Вебер и сжал кулаки так, что побелели пальцы.

Я передал ему ружье и пошел в палатку, которую делил с Кемпером. Бактериолог проснулся и заговорил со мной. Хотя, быть может, он и не спал.

- Это ты, Боб?

- Я. Все в порядке.

- Что-то не спится. Лежу и думаю, - сказал он. - Безумное местечко.

- Куставры?

- Не только они. Вся планета. Впервые сталкиваюсь с такой пустотой - ни деревьев, ни цветов. Ничего. Лишь бескрайнее море травы.

- Разве есть инструкция, запрещающая находить планеты-пастбища? - пошутил я.

- Слишком просто, - ответил он, не принимая моей шутки. - Все неестественно упрощено. Планета аккуратно прибрана и упакована. Как

будто кто-то задался целью создать простую планету, отбросил все излишества, прекратил все биологические эксперименты, кроме одного - выращивание единственного вида животных и травы для их питания.

- Ты уверен? Ведь мы не знаем многих деталей. Возможно, мы не успели обнаружить остальных обитателей планеты? Да ты и сам знаешь - загадки возникают за секунды, а разгадываются годами. Согласен, единственные живые существа, которых нам удалось увидеть - куставры, но, возможно, по той простой причине, что они расплодились в невероятных количествах. Они, как высокая гора, заслонили собой все вокруг.

- А иди ты, - прошептал он и отвернулся.

Я улыбнулся: Кемпер вновь стал самим собой, тем Кемпером, которого я знал и любил, с которым мы десять лет подряд делили все радости и невзгоды.

Сразу же после завтрака разгорелся ожесточенный спор.

Оливер и Вебер сказали, что вскрытие будут производить прямо на столе. Парсонс, узнав об этом, готов был вцепиться им в глотки. Я так и не понял, чего он взъерепенился? Ведь еще до первого произнесенного им слова было ясно, что

он потерпит очередное поражение. Шуми он, не шуми - вскрытия всегда проводились и всегда будут проводиться именно на этом столе. Больше не на чем.

- Я догадывался, что вы ребята не промах. Только отправляйтесь-ка искать другое место для разделки этой туши, - неистовствовал Парсонс. - Думаете, приятно сидеть за столом, на котором вы потрошите дохлятину?!

- Но, Карл! Ведь мы займем лишь край стола.

Мы-то знали, что через несколько минут весь стол, а потом и стулья, окажутся завалены кусками куставра.

- Расстелите на траве брезент! - крикнул Парсонс.

- На брезенте невозможно работать скальпелем. Попробуй сам, и ты…

- Убирайте со стола это чудовище, - Парсонс даже не прислушивался к ответам Оливера. - Еще сутки - и оно протухнет.

Мне надоело слушать их ругань, я отправился на корабль и начал выгрузку клеток с лабораторными животными. Эта работа не входит в мои обязанности; тем не менее, взявшись однажды за ручку клетки, я исправно повторял ее на каждой последующей планете.

Поднявшись на корабль, я прошел в помещение, где размещались клетки. Увидев меня, крысы запищали, зартильи с Центавра заскрипели, а панкины с Полярис подняли дикий вой, потому что панкины постоянно голодны. Накормить этих тварей невозможно; избыток пищи приводит к перееданию и смерти.

Я подтаскивал клетки к грузовому люку и опускал их на землю с помощью веревки. Выгрузка прошла удачно: я не разбил ни одной клетки, что явилось своеобразным рекордом. Обычно одна-две клетки падают, разбиваются, а животные разбегаются, что дает возможность Веберу лишний раз съязвить в мой адрес.

Окончив выгрузку из люка, я начал подтаскивать клетки к лагерю. Оливер и Вебер колдовали над куставром, ритмично взмахивая скальпелями.

Я ставил клетки в ряд, одна к другой, а на случай дождя принялся натягивать на них брезент. В этот момент появился Кемпер и замер возле клеток, наблюдая, как я работаю.

- Побродил вокруг лагеря, - сказал он таким тоном, что я невольно насторожился.

Какое-то время от стоял молча, молчал и я. Надо хорошо знать Кемпера и то, что к нему не следует

приставать с расспросами: он постоит, подумает, а потом сам все расскажет.

- Тихое местечко, - нейтрально заметил я, активизируя процесс его раздумий.

Место и в самом деле выглядело неплохо: яркое солнце, легкий ветерок, чистый прозрачный воздух. И тишина. Абсолютная тишина. Ни единого звука.

- Унылое место, - сказал Кемпер.

- Не очень-то понятно, - произнес я, хотя ждал от него именно этих слов.

- Помнишь, что я сказал тебе ночью?

- Что планета упрощена до предела.

- Да.

Кемпер вновь застыл, наблюдая, как я мучаюсь с брезентом. После минутной паузы он все же выпалил:

- Боб, на планете нет насекомых!

- Что насеко… - но он уже слышал только себя.

- Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать. Вспомни Землю, вспомни другие планеты земного типа. Ложишься в траву и тихо наблюдаешь… Вокруг тебя множество насекомых! Они ползают по земле, перепрыгивают со стебелька на стебелек, копошатся в цветках, жужжат в воздухе.

- А здесь?

Он отрицательно покачал головой:

- Не видел. Я осмотрел добрую дюжину мест, ложился в траву, всматривался, вслушивался, я искал их все утро, на их нет! Боб, это неправильно, неестественно. На планете нет ни одного насекомого!

Его слова вызвали дрожь в теле, тем более, что он произнес их в сильном возбуждении. Состояние Кемпера передалось и мне: что бы как-то скрыть волнение, я продолжал расправлять складки брезента, хотя такой тщательности не требовалось. Что касается насекомых, то я не был большим их поклонником, но их неестественное отсутствие может отрицательно сказаться на нашем бизнесе.

- Пчелы, - напомнил я.

- Какие еще пчелы?

- Пчелы из куставров.

- Я не подходил близко к стаду. Возможно, пчелы летают вокруг куставров.

- А птицы?

- О чем ты говоришь?! Конечно же, не видел ни одной. Но в отношении цветов я ошибся. Лежа в траве, я разглядел крохотные невзрачные цветки.

- Чтобы пчелы не скучали.

Лицо Кемпера окаменело.

- Ты прав. Понимаешь в чем суть? Все спланировано...

- Понимаю, - ответил я.

Мы молча подошли к лагерю.

Парсонс что-то стряпал, продолжая ворчать. Оливер и Вебер не обращали на него ни малейшего внимания. Как и следовало ожидать, весь стол оказался завален различными частями туши куставра, а наши патологоанатомы выглядели ошарашенными.

- Мозга нет, - сказал Вебер и посмотрел на нас с Кемпером так, будто это мы его украли. - Мы не нашли мозг. Мы не нашли даже примитивной нервной системы.

- Я не способен понять, - добавил Оливер, - как живет высокоорганизованное существо не имея мозга и нервной системы.

- Хорошенько приберите свою мясную лавку! - гневно выкрикнул Парсонс, не отходя от плиты. - Не то, парни, придется вам обедать стоя.

- Здорово он ляпнул про мясную лавку, - неожиданно согласился Вебер. - Насколько нам удалось выяснить, существо состоит не менее, чем из дюжины разных видов тканей, включая рыбу и дичь. А один вид очень походит на мясо яще-

рицы.

- Запас мяса на все случаи жизни, - сказал Кемпер, - как в хорошем ресторане. Может быть и мы, в конце концов, откопали свой клад?

- Если мясо съедобно, - спокойно добавил Оливер. - Если мы не отравимся, отведав по кусочку, или не покроемся шерстью.

- Постановка опытов - по твоей части, - сказал я. - Клетки я притащил, можешь использовать наших милых маленьких друзей.

Вебер печально смотрел на разделанную тушу.

- Первое вскрытие - грубый предварительный осмотр, - заявил он. - Нам необходимо еще одно существо для дальнейшей работы. Что ты на это скажешь, Кемпер?

Альфред молча кивнул, а Вебер перевел взгляд на меня:

- Как ты думаешь, вы сможете нам помочь?

- Уверен, что сможем, - бойко ответил я. - Никаких проблем.

Я оказался прав. Едва окончился обед, в лагерь приковылял одинокий куставр, остановился в шести футах от стола, печально посмотрел на нас и упал замертво.

Оливер и Вебер работали не смыкая глаз. Несколько дней они резали и ставили опыты,

ставили опыты и вновь резали. Они не могли поверить тому, что неизменно обнаруживали внутри существа. Они спорили, эмоционально размахивая скальпелями, а к вечеру впадали в отчаяние. Хорошо, что они работали на пару, иначе дело кончилось бы истерикой.

Кемпер заполнял слайдами коробку за коробкой и в оцепенении сидел у микроскопа.

Парсонс и я слонялся по лагерю. Парсонс иногда приступал к работе - брал образцы почвы, а затем пытался классифицировать собранные травы. Анализы образцов почвы давали идентичные результаты, а трав, во множественном числе, не существовало; повсеместно господствовал один вид.

Еще через несколько дней он начал записывать данные о погоде, провел анализ состава воздуха. Но большую часть времени Парсонс ворчал, не зная, как подступиться к составлению отчета.

А я, чтобы никому не мешать, отправился на поиски насекомых, но кроме пчел, летавших вокруг куставров, так ничего и не нашел. Я долго всматривался в голубизну неба, надеясь разглядеть одинокую птицу, но все напрасно. Два дня я пролежал на берегу ручья, уставившись в бегущие струи прозрачной воды, но не обнаружил

никаких признаков живых существ. Я сплел подобие сети и установил в небольшой заводи. Через два дня я вытащил ее из воды, как и предполагал, - пустую. Ни рыбы, ни рака, ничего.

На исходе недели я готов был полностью согласиться с рассуждениями Кемпера.

Фуллертон бродил в окрестностях лагеря. Никто не обращал на него внимания. Каждый Четырехглазый пытается найти нечто такое, что недоступно простому смертному.

В этот день я отправился на «рыбалку», Я долго сидел, уставившись в воду, и вдруг почувствовав спиной, резко повернулся: на берегу стоял Фуллертон и наблюдал, как я ковыряюсь в заводи, причем у меня сложилось впечатление, что он стоит здесь уже не один час.

- Пусто, - сказал он тоном старого учителя, знающего истину, в то время как я, дурачок, пытаюсь что-то найти в этой луже.

Но разозлился я не только из-за его слов. Из уголка рта Фуллертона, вместо неизменной зубочистки, торчал стебелек травы, и он неторопливо пережевывал его, как зубочистку!

- Немедленно выплюнь траву! - заорал я. - Ты, идиот, выплюнь сейчас же!

Его глаза расширились от удивления, рот скри-

вился, так что стебелек выпал сам собой.

- Трудно постоянно контролировать себя, - промямлил он, - вы ведь знаете, это мой первый полет и…

- И, возможно, последний, - грубо оборвал я. - Будет время, поинтересуйся у Вебера, что случилось с одним парнем, сунувшим в рот крохотный листочек. Несомненно, сделал он это не задумываясь, дурная привычка и все такое. Только через минуту он был стопроцентно мертв, как будто специально спланировал самоубийство на далекой планете.

Рассказ подействовал - Фуллертон побледнел.

- Запомню, - сказал он.

Я смотрел на Четырехглазого, немного сожалея, что говорил с ним. грубо. Но я не сомневался, что поступил абсолютно правильно - стоит немного расслабиться, потерять над собой контроль и… мгновенно человек превращается в ничто.

- Обнаружил что-то интересное? - спросил я, смягчая обстановку.

- Все время наблюдаю за куставрами, - оживился Фуллертон. - Они необычны и забавны. Но я не сразу понял, что именно вызывает удивление…

- Я могу перечислить сотню забавных и необычных фактов.

- Я имею в виду совсем другое, Саттер. Не пятна, не бугры, не растительность. Все стадо выглядит очень странно. И вдруг до меня дошло: в стаде нет молодняка, нет ни единого детеныша!

Конечно же, Фуллертон прав! Стоило ему сказать, и я сразу же понял. В стаде нет ни единого теленка или куставренка. Мы постоянно сталкиваемся только со взрослыми особями. Но может ли это значить, что детенышей нет вовсе? Или они нам просто не попадаются на глаза? Кстати, этот же вопрос относится и к насекомым, и к птицам, и к рыбам.

И тут, с некоторым опозданием, я ухватил нить его мысли, вывод, который он сделал из факта отсутствия детенышей. Его МЕЧТА, безумная фантазия, которую он надеялся найти, обнаружена на этой планете.

- Ты сумасшедший!... - вымолвил я.

Он смотрел на меня с берега, сверху вниз, глаза его блестели, как у ребенка, ожидающего рождественский подарок.

- Это должно было случиться, Саттер, - сказал он. - Где-нибудь, когда-нибудь. И это случилось.

Я выбрался на берег и встал рядом с ним. Какое-то время мы стояли молча, потом до меня дошло, что я все еще держу в руке сеть. Я бросил ее в воду

и долго смотрел, как она погружается на дно.

- Неопровержимых доказательств нет, - сказал я. - Развитие куставров в данном направлении - отнюдь не бессмертие, не может являться бессмертием. Наоборот, развитие на основе симбиоза - тупик. И, бога ради, не рассказывай никому о своих умозаключениях, иначе тебе не избежать насмешек на протяжении всего обратного полета.

Не знаю, что мне взбрело в голову тратить на воспитание Четырехглазого столько времени. Он упрямо продолжал смотреть на меня, но огонь триумфа постепенно погас в его глазах.

- Буду держать язык за зубами, - тихо, но настойчиво сказал я. - Никому ни слова.

- Спасибо, Саттер, - ответил он. - Я ценю ваше доброе ко мне отношение.

Но по его тону я понял, что он бы задушил меня с большей радостью.

«Выяснив» отношения, мы побрели в лагерь.

Огромные пирамиды из фарша, в который превращали куставров Оливер и Вебер, исчезли. Стол неправдоподобно блестел. Парсонс готовил ужин, радостно напевая одну из своих многочисленных песенок.

Оливер, Вебер и Кемпер расположились в крес-

лах, потягивали ликер и тихо беседовали.

- Работа завершена? - спросил я.

Оливер, вместо того, чтобы утвердительно кивнуть, покачал головой. Он налил еще один стакан и протянул его Фуллертону. Четырехглазый взял без колебаний. Для него подобный шаг - огромное достижение. Мне выпить даже не предложили, знали, что все равно откажусь.

- Что же вам удалось выяснить?

- То, что нам удалось выяснить, весьма оригинально, - ответил Оливер. - Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе, и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли.

- Откладывают яйца, - повторил я его слова, - дают молоко. Значит, они воспроизводят себе подобных?

- Конечно, - уверенно ответил Вебер, - а ты думаешь иначе?

- Тогда где же детеныши?

Вебер хмыкнул.

- Возможно, молодняк содержится в специально отведенных для этого местах, которые находятся далеко отсюда.

- Или у них выработался контроль над рождаемостью, постепенно перешедший в инстинкт, - предположил Оливер. - К тому же этот инстинкт согласуется с идеальной, сбалансированной экологической ситуацией на планете, о которой говорил Кемпер.

- Невероятно, - фыркнул Вебер.

- Невероятно?! - воскликнул Кемпер. - В десятки раз вероятнее, чем отсутствие у куставров мозга и нервной системы. И намного вероятнее, чем наличие в существах бактерий.

- Уж эти твои бактерии! - Вебер одним глотком осушил полстакана, подчеркивая тем самым свое негодование.

- Мои-мои, - Кемпер усмехнулся. - Только почему куставры буквально кишат ими? Бактерии распространены по всему организму равномерно, и все они, как две капли воды, похожи одна на другую, то есть, относятся к одному виду. Всем известно, что организму, в том числе человеческому, для нормальной работы - вернее, для процессов метаболизма - требуются сотни бактерий и микроорганизмов. У куставров всю работу выполняет один вид. Он подмигнул Веберу. - Не ошибусь, если скажу, что именно наличием этих бактерий обусловлено отсутствие мозга и нерв-

ной системы они их заменяют. Более того! Как мы видим, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

Пирсонс, все время прислушивавшийся к разговору, подошел к нам. В одной руке он сжимал большую вилку, которую использовал для готовки.

Спросите меня, заявил он, - и я скажу вам, что куставры неправильны от кустов и до хвоста. Подобные животные до сих пор не существовали и существовать не должны.

По они есть. От факта их реального существования нам уже не избавиться, - заметил Кеммер.

- Тогда скажи мне, в чем смысл этого факта?! Один вид животных монополизировал жизненное пространство целой планеты и питается единственно существующим видом травы. Причем я абсолютно уверен, что количество травы, вплоть до одной единственной травинки, точно соответствует общему количеству куставров... Устранено даже малейшее нарушение в отклонении от оптимального количества питания.

- Что же неправильного ты видишь в том, что вся их жизнь подчиняется логике? - спросил я, пытаясь его «подколоть», но тут же подумал, глядя на его вилку, а не захочет ли он в ответ

подколоть меня?

- Что из того!!! - прогрохотал Парсонс. - Природа не есть статическая субстанция, она ни на секунду не останавливается в своем развитии. Но на этой планете мы столкнулись с автоматизированной биостанцией, вернее фабрикой. Интересно, кто регулирует выпуск продукции? Кем заложена программа ограничения развития?

- Верно оценивая происходящее, ты не совсем правильно формулируешь вопрос, интересующий нас, - спокойно сказал Кемпер. - Ты, незаметно для себя, проскочил мимо более важного: почему? - а не кто. Каким путем шла эволюция жизни на планете? Как получилось, что жизнь оказалась строго спланированной? Почему природа пришла к подобной ситуации?

- Нет никакого планирования, - кисло улыбнулся Вебер. - Да ты и сам знаешь, хоть и несешь всякую чушь.

Разговор на некоторое время прервался. Парсонс вернулся к плите, Фуллертон отправился прогуляться. Кажется, его шокировали наши разговоры. Что за обыденность спорить о молоке и яйцах?

Мы долго сидели молча. Минут через пятнадцать Вебер тихо сказал:

- Боб, помнишь первую ночь? Я вышел сменить тебя и сказал... - он посмотрел на меня. - Ты помнишь?

- Конечно, ты говорил о возможностях развития симбиоза.

- Теперь ты думаешь по-иному? - спросил Кемпер.

- Даже и не знаю... Разве возможно, чтобы симбиоз достиг столь высокого уровня? Симбиоз - логическое завершение эволюции живых существ планеты? А если мои предположения верны, то куставры - идеально завершенный пример симбиоза. Представляете себе: давным-давно, все живые существа планеты собрались вместе и решили, что пора объединиться. И тогда все растения, животные, рыбы и бактерии слились в одно существо...

- Красивая, но мало правдоподобная сказка, - заметил Кемпер. - Симбиоз - разновидность приспособительной реакции на воздействие внешней среды. Но нельзя не отметить, что здесь он продвинулся очень далеко и...

Парсонс издал гортанный рык, призывая всех к столу. Я же, вздохнув, поплелся в палатку и приготовил крайне безвкусную клейкую массу. Я утешал себя тем, что такую гадость только в

одиночестве и есть - достаточно одной шутки и меня стошнит.

На деревянной клетке для животных, которую я приспособил в качестве стола, лежала тонкая стопка листов с рабочими записями. Проталкивать внутрь себя отраву легче, занимаясь интересным делом. Поэтому за едой я успел просмотреть все записи. Они делались отрывочно, кое-где листы были запачканы кровью куставров и еще какой-то липкой пахучей жидкостью. Однако за время работы с Оливером и Вебером мне приходилось разбирать и не такие каракули.

Конечно, записи не могли дать полной картины происходящего, но кое-что проясняли. Например, разноцветные пятна, придававшие созданиям столь несуразный вид, четко соответствовали сортам мяса, располагавшимся под ними. Неужели каждое пятно некогда являлось самостоятельным организмом?

Орган яйцекладки описывался подробно, но свидетельств в пользу его необходимости, судя по всему, не существовало. Так же, как не имелось свидетельств и в пользу закономерности такого биологического процесса, как лактация. Молодняка нет - кому в таком случае предназначается молоко?

Писанину Оливера я разбирал дольше обычного, но все же получил представление о пяти видах фруктов и трех видах овощей. После обеда я прилег на кровать, переваривая и прочитанное, и съеденное.

Итак, наши существа представляют собой сельскохозяйственную фирму, дающую чистую прибыль, без каких-либо расходов. Да и о каких расходах может идти речь? Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород - все это скомпоновано в теле одного животного - полнокровная ферма!

Я еще раз торопливо перелистал записи, остановившись на моменте, наиболее меня заинтересовавшем: съедобные части составляют основную массу тела куставров, а отходы мизерны. Да о таком животном специалисту по сельскому хозяйству приходится только мечтать!

Лишь одна мысль волновала меня. А что если продукты из куставров окажутся несъедобными для человека? И еще. Возможно, куставры приспособились к окружающим условиям настолько сильно, что покинув родную планету могут погибнуть.

Тут же, словно дурной сон, предстало перед глазами видение - куставр подходит к нам и падает

замертво. Неожиданно яркая и реальная картина вызвала головную боль, беспокойство. Вопросы начали всплывать сами собой: приживется ли на другой планете трава? Смогут ли куставры приспособиться к новым условиям? С какой скоростью они воспроизводят себе подобных? Можно ли ускорить этот процесс?

Я поднялся и вышел на свежий воздух. Легкий ветерок стих. Солнце уже клонилось к закату, тишина стояла неправдоподобная. Я задрал голову. Быстро темнело, звезды проявлялись на небе, как на фотографической бумаге. Они сверкали непривычно ярко и было их так много, что они поражали воображение, будили странные мысли. Взошла луна, но звезды продолжали светить с той же яркостью. С большим трудом я оторвался от непривычного зрелища и неторопливо отправился к товарищам.

- Все идет к тому, что мы задержимся, - спокойно произнес я, - а потому завтра начинаем разгрузку корабля.

Никто не произнес ни слова, но тишина говорила сама за себя - все удовлетворены тем, что вот, наконец, повезло и нам. Представляю, как вытянутся лица у конкурентов, когда мы вернемся домой с таким уловом. Полный триумф, всеобщая

известность, безбедное существование!

Нарушил наше ликующее молчание Оливер:

- Некоторые лабораторные животные не в лучшей форме. Сегодня я внимательно наблюдал за ними, морские свинки и крысы выглядят больными, - и он посмотрел на меня так, будто это я заразил их.

Пришлось возмутиться:

- Нечего смотреть на меня обиженными глазами. Я не смотритель, и ухаживаю за ними лишь во время полета.

Кемпер попытался прервать спор:

- Прежде чем говорить о корме, новом корме, его нужно иметь. Завтра надо добыть еще одного куставра.

- Бьюсь об заклад, что... - начал Вебер, но Кемпер молча отмахнулся от его предложения, даже не дослушав.

И оказался прав, так как сразу после завтрака в лагере объявился очередной куставр и, как по команде, упал замертво. Ребята набросились на него, а Парсонс и я занялись выгрузкой съестных припасов и оборудования. Работы хватило на целый день; мы выгрузили большую часть приборов, даже холодильник для хранения мяса куставра и все продукты, за исключением аварий-

ных пайков. Оборудования оказалось так много, что пришлось ставить дополнительные палатки. К вечеру мы валились с ног от усталости.

Утром все, как заведенные, принялись за работу. Кемпер продолжал экспериментировать с бактериями, Вебер не отходил от туши куставра, Оливер выкопал несколько пучков травы и возился с ней. Парсонс отправился на полевые работы. Он что-то бубнил себе под нос и готов был рвать и метать; его бесила любая мелочь. Изучение экологии планеты, пусть даже самой простой - трудная многогранная работа, требующая выполнения огромного объема исследований. Но на этой планете делать ему было нечего: борьба за существование отсутствовала, а единственные живые существа, куставры, мирно прохаживались, пощипывая травку.

Я попытался составить черновик своего будущего отчета. То, что мне придется многократно его переписывать, не вызывало сомнений. Я принялся за работу с явным волнением; мне не терпелось слепить из отдельных фрагментов нечто цельное. Задача была трудна, но я не сомневался, что справлюсь с ней.

Утром одна из клеток оказалась пуста. Это панкины каким-то образом прогрызли решетку и

выбрались наружу, на свежий воздух. Их бегство почему-то сильно подействовало на Вебера.

- Они вернутся, - спокойно сказал Кемпер. - Имея их аппетит, нельзя не вернуться в лагерь. - Как выяснилось позже, он оказался прав, ведь он отлично знал, что представляют из себя эти обжоры. Их кулинарные запросы невозможно удовлетворить; едят они буквально все, а главное - в чудовищных количествах. У панкинов необычайный метаболизм, что и делает их незаменимыми лабораторными животными.

Часть наших животных мы посадили на диету из мяса куставров. И они буквально расцвели, все как одни потолстели и внешне выглядели очень жизнерадостно. Контрольные животные на их фоне казались больными и измученными. Даже прихворнувшие крысы и морские свинки, переведенные на диету, поправились и выглядели лучше, чем до болезни.

Когда мы собрались, Кемпер, возившийся возле клеток, сказал:

- Куставры для животных не только пища, но и лекарство. Я уже вижу рекламу: «ДИЕТА ИЗ КУСТАВРОВ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ»!

Вебер заворчал на него. Он и так-то не понимал

юмора, а в данный момент был еще и обеспокоен. Его можно было понять. Серьезный, если не сказать большой ученый, он столкнулся с совершенно новыми, никому не известными истинами, многие из которых опровергали, перечеркивали весь его многолетний опыт. Отсутствие мозга, нервной системы, способность умирать по собственному желанию, симбиоз, бактерии… Он не мог согласиться со всем этим сразу. Именно бактерии, как мне кажется, доконали его.

Но тревожился не только Вебер, то же происходило и с Кемпером, поведавшим нам о своих сомнениях перед сном. Он выбрал темой для разговора самое безумное открытие, взволновавшее нас:

- Я могу объяснить экологическую ситуацию, сложившуюся на планете. Но для этого нужно изменить наше изначальное отношение к симбиозу, как к длительному процессу. Ведь мы считаем, что куставры возникли в результате грандиозного всепланетного симбиоза. В принципе, поверить в данную экологическую схему можно, если задать ей значительный по масштабам Вселенной временной интервал. Однако у меня возникла другая теория - и мозг, и

нервную систему куставрам заменяют бактерии. - Он сделал паузу и продолжал: - Но готовы ли мы осознать, поверить в нее и воспринять? Ведь для этого необходимого сказать себе: эта планета - мир бактерий, а не куставров. Если так, то напрашивается еще один вывод: бактерии, для того, чтобы являть собой разум, образуют единую систему, единый гигантский мозг. Если моя теория близка к истине, значит смерть куставра таковою не является. А упавшее замертво существо - не более, как отстриженный ноготь или вырванный волосок. Могу поздравить Фуллертона - бессмертие найдено, хотя оно приняло столь невероятную форму, что его и бессмертием-то назвать нельзя.

Кемпер остановился, его лицо исказила гримаса боли.

- А вот что меня и в самом деле беспокоит, так это отсутствие защитных механизмов. Даже если принять на веру, что куставры всего лишь фасад, видимая часть мира бактерий, все равно должен существовать защитный механизм. Как обязательная мера предосторожности... Ведь до сих пор все известные нам существа так или иначе обладали способностью защищать самих себя или избегать потенциальных врагов. Одно из

двух - существо либо убегает, либо сражается, но оно в любом случае защищает себя, свою жизнь.

Несомненно, Кемпер был прав. Куставры не только не имели защитного механизма, более того, они сами избавляли нас от неприятной обязанности убивать.

- Возможно, мы ошибаемся, - продолжал Кемпер, - и жизнь не так значима, как нам всегда казалось. Возможно, за нее не следует цепляться, бороться из последних сил. Возможно, не стоит бросаться на врага и перегрызать ему глотку только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности собственную шкуру. Возможно, куставр, упавший замертво, куда ближе к истине, чем мы с вами. Возможно…

Все эти «возможно» и «может быть…» начинались сразу после ужина и продолжались до поздней ночи. Круг мыслей постоянно замыкался на одних и тех же выводах. Мне кажется, Кемпер не просто говорил, он пытался спорить сам с собой, стараясь в процессе разговора найти иной подход к решению проблемы.

Когда лампа была погашена и все улеглись спать, я долго еще лежал без сна, додумывая теорию Кемпера, пытаясь самостоятельно найти выход из лабиринта фактов. Меня поражало,

что все куставры, посетившие нас, находились в расцвете сил. Может быть, смерть является привилегией молодых и здоровых? Или все куставры молоды и здоровы? Имеется ли объективная причина считать их бессмертными существами? Я задавал себе множество вопросов, но найти ответов не мог.

Работа продолжалась. Вебер произвел несколько вскрытий лабораторных животных, получавших в пищу мясо куставров, и досконально исследовал их. Оснований считать, что пища воздействует на организм животных отрицательно, не было. В крови животных обнаружилось некоторое количество бактерий, но патологических изменений или появления антител они не вызывали. Кемпер постоянно занимался их исследованием. Оливер начал новую серию экспериментов с травой, на этот раз по развернутой схеме. Парсонс отдыхал - он окончательно сдался.

Панкины не возвращались, Парсонс и Фуллертон занялись их поисками, но безуспешно.

Я продолжал, кирпичик к кирпичику, составлять отчет. Работа продвигалась быстро, слишком быстро. Именно легкость и простота вызывали смутные предчувствия и подозрения. Логика

уверяла в обратном - разве может что-либо случиться на этой планете?

И тем не менее случилось.

За ужином до нас донесся отдаленный шум. Он возник где-то очень далеко и нарастал медленно и ненавязчиво, так что мы не сразу обратили на него внимание. Звук этот напоминал шум ветра, шевелящего листву молодого деревца. Но постепенно он перешел в гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Только я раскрыл рот, чтобы сказать о грозе, как Кемпер вскочил на ноги и начал что-то орать нам. Что именно, я так и не понял - вернее, не расслышал слов, хотя смысл дошел до нас всех за одну секунду и мы тут же бросились к спасительному корпусу корабля. Когда мы подбегали к трапу, тембр звука изменился. Не оставалось сомнений, что это топот копыт, стремительно наплывающий на лагерь. У трапа возникла небольшая заминка, куставры были уже недалеко, так что я бросился к веревке, свисавшей из грузового люка. С ее помощью мы производили разгрузку, а втянуть ее наверх я просто забыл. Не могу назвать себя специалистом в лазании по канату, но в этом миг я начал карабкаться по веревке с максимальной для человека скоростью. Взглянув вниз, я увидел, что вслед за

мной карабкается Вебер, который так же никогда не отличался способностями циркача. Я полз и думал о том, как нам повезло, что я так и не нашел времени, чтобы подтянуть веревку наверх. А ведь именно Вебер отругал меня за нерадивость. Я хотел крикнуть ему, но так запыхался, что слова застряли в горле.

Мы добрались до люка и влезли внутрь. Под нами, перемалывая все кругом, проносились куставры. Они бежали мимо нас так, будто от испуга: тысячи, миллионы животных. Тем поразительнее выглядел их молчаливый бег. Ни крика, ни писка, лишь топот копыт - безголосье пугало сильнее, чем вид бесчисленного стада. Казалось, сама ярость окутывала нас со всех сторон…

Не менее странным казалось и то, что бескрайнее море куставров расступилось перед кораблем, а за ним вновь смыкалось, оставляя небольшой участок нетронутой земли. При свете звезд стадо просматривалось на многие мили, а далее сливалось с горизонтом. Увидеть, где оно кончается - и кончается ли вообще, так и не удалось.

Мы могли бы не забираться в корабль, но кто мог предположить, что куставры станут соблюдать такую точность при передвижении?

Нашествие длилось не менее часа. Когда последний куставр исчез в темноте, мы боязливо спустились вниз и попытались определить нанесенный ущерб. Клетки с животными, стоявшие на полпути между кораблем и лагерем, остались неповрежденными. Палатки, в которых мы спали, за исключением одной, стояли на местах. На столе по-прежнему ярко горела лампа.

Все запасы продовольствия и большая часть оборудования оказались втоптаны в землю. Территория вокруг лагеря напоминала свежевспаханное поле. Единственное, что не было уничтожено - записи и животные.

- Три недели, - сказал Вебер, - и я закончу опыты.

- У нас их нет, как и запасов продовольствия, - ответил я.

- А эн-зе?

- Только на обратный путь.

- Ничего, можно и поголодать.

Вебер оглядел нас всех по очереди, после чего произнес:

- Я могу три недели обходиться без всякой пищи.

- Давайте попробуем мясо куставров, - предложил Парсонс. - Кто готов рискнуть?

Вебер отрицательно покачал головой:

- Не сейчас. Через три недели, когда я закончу опыты. Вот тогда и решим. Если мясо куставров окажется пригодным для человека, то эн-зе нам вовсе не понадобится. Будем пировать всю обратную дорогу до Кэфа.

- Так и поступим, - сказал я, зная, что парни согласны.

- Вам-то что, - послышался голос Четырехглазого, - с таким запасом диетической пищи можно и поголодать.

Парсонс подошел к Фуллертону, сгреб в охапку, приподнял и потряс его так, что голова Четырехглазого задергалась из стороны в сторону, как у куклы. После чего он осторожно поставил его на ноги и тихо сказал:

- Разговоры о диете нам несколько неприятны, дружище.

Сигнальная система оказалась уничтоженной, поэтому мы установили сдвоенное дежурство. Но никто так и не сомкнул глаз в эту ночь. Опустошительное нашествие куставров повергло всех в уныние; меня интересовал один вопрос - что их так напугало, что за чудовищная сила заставила многомиллионное стадо мчаться сквозь тьму сломя голову? Ответа я не находил. Раз за разом

я возвращался к единственно верному предположению - на планете не существовало причин, способных вызвать паническое бегство куставров. Но все же причина была, ведь мы являлись свидетелями ее следствия. Более того, причина эта связана с появлением существ в лагере и их смертью на наших глазах. Но что является первопричиной их поведения - разум или инстинкт? Вот вопрос, мучавший сильнее всего, не давая уснуть.

А на рассвете в лагере появилось очередное существо и с радостью упало замертво к нашим ногам.

Мы обошлись без завтрака. Никто не вспомнил и про обед. С первыми сумерками я забрался по трапу на корабль, чтобы принести немного продуктов для ужина, но ничего не нашел. Вместо продуктов в углу расположились пять панкинов - более толстых и довольных тварей я никогда не видел. Они даже не шумели, как обычно. Я догадался, что они прогрызли дыры в ящиках с продовольствием и прикончили все до последней крошки. Более того, они каким-то образом ухитрились отвернуть крышку у банки с кофе, опрокинув ее, и смолотили все зерна.

Нашим запасам пришел конец. Я отупело гля-

дел на толстые лоснящиеся мордочки панкинов. Меня вдруг осенило, каким образом они пробрались на корабль! Я проклинал свою нерадивость; если бы я вовремя убрал веревку, ничего бы не случилось.

Потом я вспомнил, что веревка спасла нам с Вебером жизни. Я спокойно подошел к панкинам, троих распихал по карманам, оставшихся двоих взял в руки. Спустившись с корабля, я направился к лагерю.

- Вот они, - сказал я и посадил панкинов, всех пятерых, на стол, - наши беглецы. Пробрались на корабль, а мы не могли их найти. Вскарабкались по веревке.

Вебер внимательно изучил их.

- А они неплохо подхарчились. Что-нибудь нам оставили?

- Вычистили все до последней крошки.

Панкины выглядели стопроцентно счастливыми. Очевидно, их обрадовала встреча с нами. Не было причины оставаться на корабле дальше, после того, как они прикончили., эн-зе».

Парсонс достал тесак и подошел к куставрy, умершему утром.

- Приготовить слюнявчики, - скомандовал он и отрезал от туши большой кусок мяса. Потом еще

один, и еще один, и еще… Как только он приступил к жарке, я рванулся в свою палатку, потому что никогда прежде нос мой не ощущал столь аппетитного, столь зовущего запаха. Я раскрыл сумку, наугад приготовил порцию липкой отравы и начал запихивать ее в себя, помогая ложкой.

Через некоторое время явился Кемпер. Он расслабленно-довольно плюхнулся на койку.

- Желаешь выслушать мой рассказ? - спросил он.

- Валяй!

- Изысканно. По вкусовым качествам превосходит любое блюдо, приготовленное руками человека во все времена. Мы попробовали три сорта мяса, отведали по ломтику рыбы и еще чего-то, что напоминало мясо омара, но вкус много нежнее и тоньше… После мяса мы разрезали плод - смесь дыни и ананаса.

- А завтра вы упадете замертво.

- Не думаю, - сказал Кемпер. - Ты же видел, что общее состояние животных заметно улучшилось.

Конечно, думал я. Все сходится к тому, что Альфред прав.

Одного куставра как раз хватило на день. Сыты были и люди, и животные. Куставры не обна-

руживали более агрессивных намерений, зато каждое утро оказывались под рукой. И именно в тот момент, когда о них вспоминали.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами. Количество пищи, уничтожаемое ими, становилось просто неприличным. Ежедневно Парсонс нажаривал горы огромных кусков разного мяса, рыбы, дичи и всякой всячины. Он выставлял на стол тазы с овощами и фруктами, а откуда-то появившиеся кувшин ежедневно наполнял медом. И люди, и животные съедали все, буквально вылизывая тарелки и миски.

Я смотрел на своих компаньонов. Они сидели вокруг стола, расстегнув ремни, и похлопывая себя по животам. Их самодовольные физиономии вызывали у меня чувство отвращения. Я напрасно ждал, что их желудки начнет сводить от боли, а тела покроются растительностью. Ничего не происходило. Более того, все они утверждали, что никогда еще не чувствовали себя так хорошо.

Прошло две недели. Как-то утром Фуллертон почувствовал слабость. Он попытался встать, но не смог. Еще через час его начало трясти, как в лихорадке. Симптоматика соответствовала вирусному заболеванию с Центавра, но ведь мы получили от него прививку. За эти годы нам

сделали профилактические прививки от всех известных заболеваний. К тому же, перед каждым вылетом нас дополнительно накачивали разнообразными сыворотками.

Я не сомневался, что лихорадка вызвана переедением. Тем более, что ей оказался подвержен Четырехглазый.

Оливер, немного разбиравшийся в лекарствах, притащил с корабля аптечку и ввел Фуллертону максимальную дозу какого-то антибиотика, рекомендованного на все случаи жизни.

Мы продолжали работать, надеясь, что через день-два он самостоятельно встанет на ноги. Но Фуллертону становилось все хуже и хуже.

Оливер повторно перерыл аптечку, тщательно изучив все инструкции и этикетки, но ничего нового не обнаружил. Он внимательно перечитал брошюру об оказании первой медицинской помощи, но в ней описывались лишь сломанные ноги и вывихнутые суставы.

Кемпер волновался больше всех - он попросил Оливера взять у Фуллертона пробу крови и приготовил гемослайд. Заглянув в окуляр микроскопа, он обнаружил, что кровь буквально кишит бактериями куставров. Повторные анализы были идентичны первому.

Оливер и Кемпер работали, а мы стояли вокруг стола, ожидая приговора. Молчание прервал Оливер, решившийся вслух высказать наши худшие опасения.

- Ну, кто следующий? - спросил он.

Парсонс протянул руку. Все напряженно ожидали оглашения приговора.

- Бактерии есть и в твоей крови, - сказал Кемпер, - но их количество значительно меньше, чем у Фуллертона.

Мы поочередно подходили к Оливеру, результаты анализов повторялись. Правда, в моей крови бактерий содержалось меньше, чем у остальных ребят.

- Мясо куставров, - сказал Парсонс, - Боб не ел.

- Но ведь тепловая обработка уничтожает... - начал Оливер.

- Ты уверен? Эти бактерии должны иметь безумно высокий коэффициент адаптации. Ведь они выполняют в организме куставров огромную работу. Думаю, они могут с легкостью приспособиться к любым, даже самым непредвиденным условиям. Кроме того, овощи и фрукты мы ели в сыром виде. Да и мясо, дорогие мои, вы предпочитаете уминать недожаренным.

- Но кто объяснит мне, - вопрошал Оливер, - по-

чему именно Четырехглазый заболел первым? Почему количество бактерий в его крови больше, чем у остальных? Ведь он начал употреблять мясо куставров в пищу одновременно с нами.

Тут-то я и вспомнил свой разговор с Фуллертоном на берегу ручья. Я рассказал о травинке, которую жевал Четырехглазый, но рассказ едва ли улучшил их настроение.

Через неделю, максимум две, количество бактерий в крови каждого из нас станет таким же, как и у Фуллертона. Я подумал было, а правильно ли я сделал, что рассказал? Наверное, правильно.

- Не есть куставров мы не можем, - сказал Вебер. - Другой пищи просто-напросто нет. Как и обратного пути.

- Я подозреваю, - проговорил Кемпер, - что для нас все уже в прошлом. Ракета улетела, и мы на нее опоздали.

- Надо немедленно стартовать, - сопротивлялся я, - и моя диетическая сумка…

Закончить фразу мне не удалось: все начали смеяться, как сумасшедшие, толкаясь и хлопая меня по спине.

Я молча стоял, опустив глаза долу. Их смех, вызванный моей непредвиденной шуткой, больше напоминал разрядку после нервного перенапря-

жения.

- Спасибо, - сказал Кемпер, - твоя сумка не решит основной проблемы; бактерии сидят внутри нас! И еще - диетической сумки на всех не хватит.

- Стоит попытаться, - возразил я.

- Подождем, - прервал нас Парсонс. - Тем более, что иного выхода нет. Да и лихорадка может оказаться временной реакцией организма на перемену диеты.

И все дружно закивали, внушая себе, что он прав.

Но Фуллертону лучше не становилось. Вебер взял для анализа кровь у животных. Количество бактерий оказалось столь же высоко, как и у Четырехглазого.

Вебер ругал себя последними словами:

- Мне следовало давно догадаться, что пробы крови необходимо брать каждый день!

- Что бы это изменило? - спросил Парсонс. - Единственный источник калорий - куставры. Выхода нет.

- Будем надеяться, что дело не в бактериях, ведь животные чувствуют себя прекрасно. А наш дорогой Четырехглазый мог подхватить что угодно.

Лицо Вебера слегка прояснилось:

- Возможно, вы и правы.

Несколько дней томительных ожиданий ни к чему не привели -Фуллертон находился все в том же состоянии.

И вдруг, в одну из ночей, он исчез.

Оливер, дежуривший около него, ненадолго вздремнул. Парсонс, охранявший лагерь, не слышал ни звука.

Утром мы отправились его искать - далеко уйти в таком состоянии он явно не мог. Но поиски не дали результатов. Хотя мы наткнулись на шар непонятной консистенции, белого, почти полупрозрачного цвета, четырех футов в диаметре. Он лежал на дне небольшого овражка, скрытый от любопытных глаз, как будто специально спрятанный в этом месте.

Мы осторожно потрогали его, несколько раз перекатили с места на место, пытаясь определить, из чего слеплен и как мог попасть сюда. Но, поскольку мы отправились на поиски Фуллертона, шар пришлось оставить в покое. Найдем Четырехглазого - вернемся к загадочному шару.

Вечером, возвратившись в лагерь с пустыми руками, мы обнаружили, что лихорадка началась и у животных - их трясло, как не знаю что. Вебер работал с ними, не имея ни секунды для отдыха. Мы, чем могли, ему помогали. Анализы

крови показывали, что содержание бактерий достигло невероятного уровня. Вебер несколько раз производил вскрытия, но фактически не заканчивал их: он разрезал шкуры, вскрывал брюшную полость, заглядывал внутрь и тут же выбрасывал животных в ведро, даже не пытаясь продолжить обычное патологоанатимическое исследование. Я видел его напряженное лицо в те моменты, когда его рука зависала над ведром с тушкой животного, но кроме меня никто не обращал на Вебера никакого внимания. Ребята выглядели жутко измотанными. Я попытался выяснить у Вебера подробности вскрытий, но он грубо оборвал меня на полуслове.

Вечером я отправился спать раньше обычного - с полуночи начиналось мое дежурство. Не успел я глаз сомкнуть, как меня разбудил зловещий гул, от которого волосы встали дыбом. Я вскочил с постели. Оказалось, что уже ночь, и я долго шарил в темноте, пытаясь найти ботинки. Кемпер вылетел из палатки, как пуля.

С животными что-то происходило. Дико крича, они пытались вырваться наружу, грызли прутья, кидались на них, ослепленные яростью.

Вебер метался от клетки к клетке со шприцем в руке. Прошло несколько часов, прежде чем нам

удалось напичкать животных успокоительным и мы снова смогли позволить себе улечься. Нескольким животным все-таки удалось убежать.

Ребята разбрелись по палаткам, а я, с ружьем на коленях, остался дежурить. Но уже через несколько минут я встал и начал прогуливаться вдоль клеток - недавний концерт вызвал во мне столь сильное возбуждение, что сидеть я не мог.

Для меня было совершенно очевидно, что исчезновение Фуллертона и желание животных вырваться из клеток - взаимосвязанные события. Я вспомнил рассуждения Кемпера о защитном механизме, о том, что он отсутствует у куставров. Но, может быть, сказал я себе, этот механизм есть - и он ловко обманывает нас. Механизм, столь неожиданный для человеческого разума, что мы не готовы к его пониманию.

Утром, когда парни начали просыпаться, я забрался в палатку и растянулся на койке, чтобы немного вздремнуть. Измученный вчерашними событиями, я проспал десять часов. Разбудил меня Кемпер:

- Да поднимайся же, Боб, - устало произнес он. - Вставай, бога ради.

Темнело. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь неплотно запахнутую двер-

цу палатки. Кемпер выглядел изможденным и постаревшим, как будто мы расстались с ним не вчера вечером, а несколько лет назад.

- Животные покрылись оболочкой. - Он вздохнул. - Теперь они напоминают коконы…

Я сел, не дослушав его.

- Тот шар в овраге!

Кемпер молча кивнул.

- Фуллертон?!

- Для того я тебя и разбудил. Мы решили взглянуть на него.

Мы отыскали шар с наступлением темноты. Местность оказалась на редкость ровной и наш овражек затерялся. Шар, расколотый на две половины, напоминал скорлупу яйца, из которого только что вылупился цыпленок. Темнота все сгущалась, а перед нами, поблескивая в тишине звездного неба, лежали две половинки шара - «последнее прощай» начало новой пугающе-чужеродной жизни.

Я подумал, что следует, как на похоронах, что-нибудь сказать, но мозг мой был пуст, а язык прилип к пересохшим губам.

Мы внимательно осмотрели землю вокруг «яйца» и нашли следы существа, выбравшегося из него. Это были следы новоиспеченного куставра.

Мы молча поплелись в лагерь.

Кто-то зажег лампу. Все стояли, не в силах поднять глаза от земли, понимая, что наше время истекло и отрицать увиденное в овраге - глупо и бессмысленно.

- Шанс остался только у одного из нас, - начал Кемпер, нарушив долгую, пугающую тишину. Голос его, как ни странно, звучал спокойно и уверенно. - Боб, ты должен улетать немедленно. Кто-то ведь обязан вернуться на Кэф и сообщить, что здесь произошло.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

- Ну, - резко сказал он. - Отправляйся! Что с тобой?

- Ты был прав, - прошептал я, - когда рассуждал о защитном механизме, помнишь?

- Теперь-то мы знаем, что защитный механизм существует... - согласился Вебер. - Лучшего защитного механизма невозможно даже представить. Ведь он неодолим. Фауна планеты не пытается воевать с нами, она просто адаптирует нас, преобразует в себе подобных. Не удивительно, что на планете существуют одни куставры, не удивительно, что экология предельно проста. Шагнув в этот мир вы попадаете в ловушку. Стоит только

сделать глоток воды, сжевать стебелек, отведать кусочек мяса.

Оливер вышел из темноты и остановился напротив меня.

- Вот твоя диетическая сумка и записи.

- Но я не могу улететь без вас!

- Забудь про нас! - рявкнул Парсонс. - Мы уже не люди, понимаешь?! Через несколько дней…

Он схватил лампу, подошел к клеткам и осветил их.

- Смотрите! - выкрикнул он.

Животных в привычном смысле этого слова не было. Шарики, половинки шариков такой же консистенции, как шар в овраге… А вокруг половинок топотали маленькие куставры.

- И ты хочешь остаться, - Кемпер посмотрел на меня с сочувствием. - Что ж, оставайся. А через день или два к тебе подойдет куставр, упадет перед тобой замертво, и ты сойдешь с ума, вычисляя, кого из нас ты приготовил себе на обед!

Голос его звенел как натянутая струна, он произнес последнее слово и отвернулся… Оказалось, что все парни стоят, повернувшись ко мне спинами. Я ощутил ужас одиночества.

Вебер подхватил с земли топор и пошел вдоль клеток, сбивая замки и выпуская маленьких

куставров на волю.

Я медленно двинулся к кораблю, поднялся по трапу, крепко прижимая к груди сумку. Остановившись у входного люка, я обернулся, попытался последним взглядом охватить лагерь, всех своих товарищей и понял, что не могу покинуть их. Ведь мы провели вместе тьму лет. Они подшучивали надо мной, а я постоянно уединялся и ел в одиночку, чтобы не чувствовать запаха жаркого… Я подумал, что даже не помню с каких пор ем эту тюрю, липкую и безвкусную, что из-за своего проклятого

желудка я никогда не пробовал нормальной человеческой пищи. Может, парни куда счастливее меня, даже в данную секунду. Ведь человек, превратившись в куставрa, никогда не останется голодным, желудок его всегда будет наполнен приятной на вкус, сытной пищей. Куставры едят только траву, но, быть может, когда я превращусь в куставрa, трава станет для меня лакомством - таким же, как недоступный сейчас тыквенный пирог?

Я стоял перед входным люком и размышлял о еде.

Диетическая сумка, получив с моей помощью значительное ускорение, рассекла темноту и

погрузилась в нее. Листки с записями, медленно кружась, как сухие листья, опустились на землю.

Я вернулся в лагерь и тут же столкнулся нос к носу с Парсонсом.

- Так что у нас сегодня на ужин? - спросил я.

В.КАН
ОСНОВАТЕЛЬ ГОРОДА

В 1959 году один из ведущих американских университетов - Принстонский - пригласил известного английского писателя Кингсли Эмиса прочесть спецкурс по современной литературе. Эмис выбрал в качестве предмета научную фантастику, повергнув руководство университета в шок, ибо научная фантастика считалась не слишком респектабельным литературным жанром. В наши дни ситуация изменилась - курсы НФ читаются практически во всех американских университетах.

Эмис прочитал курс, а стенограмма лекций была издана отдельной книгой под довольно эпатирующим названием: «Новые карты ада». Появление «Новых карт» вызвало оживленную полемику, в основном, в кругах фантастов. Впрочем, были и рецензии в изданиях «непрофильных», например, в известном и влиятельном журнале «Сайентифик Американ». Задор полемистов подогревался тем, что Эмис был «чужак», плохо ориентировавшийся в иерархии авторов

и приоритетов в научной фантастике. Одним из пунктов, не вызвавших возражений, была характеристика Клиффорда Дональда Саймака как ведущего представителя антиурбанистического течения в научной фантастике.

Буколические тенденции в творчестве Саймака связаны с его биографией. Он родился в 1904 году и провел детство на ферме своего отца Джона (на самом деле - Ивана Симака, чеха по происхождению, эмигрировавшего в США из Европы). В школу Клиф ходил в соседний городок Милвилл, и впечатления детства оказались настолько сильны, что Эноха Уоллеса - героя романа «Пересадочная станция» - он поселил именно вблизи Милвилла… Этот роман Саймак напишет сорок лет спустя после того, как покинет родные места…

Он начал писать фантастику поздно, в отличие от других известных фантастов - Азимова, Старджона, Фармера и других. Первый напечатанный рассказ - «Мир красного солнца» появился в 1931 году в журнале «Уандер сториз». Сюжет стандартен: двое путешественников в будущее попадают на умирающую Землю (Солнце - красный гигант); люди порабощены злобным мозгом, возможно, пришельцем из космоса, который управляет ими

телепатически. Почва истощена, люди пытаются наладить производство синтетической еды. Путешественникам удается уничтожить тирана, они хотят вернуться в прошлое, чтобы доставить оттуда знания, технику, семена растений и спасти человечество. Однако оказалось, что машина времени может двигаться только в будущее, - и герои прибывают уже на совершенно пустую Землю, люди вымерли от голода.

Видимо, Саймак сам чувствовал неудовлетворенность своими литературными экспериментами, потому что, написав еще 4 рассказа, «замолчал». Возможно, это было вызвано еще и тем, что рассказ «Создатель», написанный в 1935 году, был отвергнут всеми редакциями, посчитавшими его кощунственным. В нем опять-таки герои-путешественники во времени, выйдя в иной континуум, обнаруживают там творца Земли, которая оказалась результатом рядового эксперимента, причем, по мнению «автора», совершенно неудачного, и потому - Земля подлежит уничтожению.

Сейчас ситуация изменилась, и, например, роман Р.Шекли «Координаты чудес» (отрывок из него под названием «Планета по смете» напечатан в «Библиотеке современной фантастики», Т.

25, М., 1973), трактующий ту же тему, получил широкую известность и принят критикой благосклонно. Рассказ Саймака тоже в конце концов был напечатан, но - через много лет и в полупрофессиональном журнале.

В 1938 году редактором журнала «Эстаундинг сайенс фикшн» становится Джон Кэмпбелл и вскоре в журнале печатается рассказ «Правило-18», а затем - в трех номерах - роман «Космические инженеры». Роман был встречен читателями с интересом, а следующая публикация - рассказ «Город» (впоследствии переработанный в роман) - и последующий выход этого романа отдельной книгой (1952), вывели Саймака в ряд ведущих писателей-фантастов мира, в числе которых он и оставался до самой смерти.

Надо отметить, что роман «Город» стал очень популярен и многократно переиздавался. Сразу после выхода книги в свет, он получил только что основанную тогда «Международную премию фантастов», а в списках лучших книг, составленных на основе опросов любителей фантастики, проводимых журналом «Локус», он неизменно занимает высокие места вот уже почти сорок лет.

Утвердившись в лидерах НФ Саймак стал писать очень много, его перу принадлежит более 30

книг и 200 рассказов (речь идет только о фантастических произведениях). Большую известность получил его рассказ «Необъятный двор» (1958), удостоенный премии «Хьюго» (русский перевод - в сб. «Экспедиция на Земяю», М.: Мир, 1965), и поэтому отметим лишь «пасторальный» стиль изложения, хотя сюжет с ним совершенно не связан. Затем - в 1953 году был написан также ставший популярным роман «Кольцо вокруг сеянца» (русский перевод - 1982 г., М.: Мир). И наконец, перейдем к следующему, этапному для Саймака, роману - «Пересадочная станция», удостоенному премии «Хьюго» (1963).

Герой - Энох Уоллес, солдат гражданской войны, поселившийся в лесу близ Милвилла (того самого!), становится начальником и единственным служащим межзвездной пересадочной станции, которая является промежуточным пунктом для путешествий между планетными системами. «Завербовавший» Уоллеса пришелец из космоса, называвший себя Улиссом, намекает Уоллесу, что его роль может оказаться более важной, чем роль простого станционного смотрителя. И действительно, в сложной интриге романа участвуют и «плохие парни» - некая галактическая раса, и агенты американской службы безопасности, и

жители Милвилла, удивленные и обеспокоенные тем, что Энох не стареет, как все нормальные люди (дар космических нанимателей). Все, однако, кончается благополучно. В романе снова проявляются характерные черты творчества Саймака - буколические мотивы, вера в добро, равноправие всех разумных существ, независимо от внешнего облика, в возможность решения любых конфликтов путем переговоров, словом - все, что обычно понимается под словом «гуманизм».

«Пересадочная станция» до сих пор многими считается вершиной творчества Саймака. В списке «Локуса», о котором говорилось выше, этот роман обогнал «Город» и занимает 25-е место - впереди таких замечательных произведений, как «Дверь в лето» Р.Хайнлайна и «Через ваши рассеянные тела» Ф.Ж.Фармера.

Саймак по праву является одним из самых читаемых писателей Америки. Когда в 1975 году Ассоциация писателей-фантастов добавила к традиционной премии «Небьюла» новую категорию - звание гроссмейстера - «Великого Мастера» - за творческие достижения в фантастике, то третьим лауреатом стал Клиффорд Саймак - в 1977 году. Первыми были, соответственно, Хайнлайн и Джек Уильямсон.

В 1968 году Саймак начал новую линию в своем творчестве - линию «фэнтези», то есть фантастики сказочного типа. Первым из этой серии романов стал «Заповедник гоблинов» (переведен на русский язык), затем - «Зачарованное паломничество» (1975), «Братство талисмана» (1980), «Там, где обитает зло» (1982).

Несмотря на имевшиеся отдельные неудачи (какой писатель без них обходится!), Саймак сохранил свой талант до глубокой старости. В 1980 году - в возрасте 77 лет - он получил сразу обе престижные премии - «Хьюго» и «Небьюла» - за рассказ «Грот танцующих оленей». Случай беспрецедентный.

О рассказах Саймака, которых, как говорилось, более 200, здесь писать не представляется возможности из-за отсутствия места. Кроме того, многие из них переведены на русский.

Обе повести, помещенные в данный сборник, были впервые напечатаны в журнале «Гэлекси». В июле 1956 года - «Упасть замертво», в августе 1959 года - «Без собственной жизни».

КЛИФФОРД Д.САЙМАК

Публикации на русском языке

Указаны только книжные издания и новые переводы (не перепечатки) с 1988 по начало 1990 года. Перечень всех предшествующих публикаций можно найти в журнале «Советская библиография», 1988, № 6.

Книги

1. **Избранное**. - М.: Мир, 1988. - 560 С.

Сод.: Все живое...; Заповедник гоблинов; Повести и рассказы: Дом обновленных; Кто там, в толще скал?; Изгородь; Утраченная вечность; Мираж; Через речку, через лес.

2. **Город**. М.: Правда, 1989. - 480 С. - (Мир приключений)

Сод.: Город. Все живое...; Рассказы: Прелесть; Разведка; Изгородь.

3. **Американская фантастическая проза**. Клиффорд Саймак. Пересадочная станция: Роман; Рассказы; Роберт Шекли. Цивилизация статуса: Повесть. Рассказы. - М.: Радуга, 1990. - 560 С. - (Б-ка фантастики. Том 18/2).

Из сод.: Пересадочная станция: Роман; Рассказы: Поколение, достигшее цели; Когда в доме одиноко; Денежное дерево; Дом обновленных.

4. **Кольцо вокруг Солнца**. - М.: Мир, 1990. - 192 С.

Отдельные публикации

1. **Я весь внутри плачу** /Книжное обозрение. - 1988. - 12 февр. - С. 6.

2. **Грот танцующий оленей** /Знание-сила. - 1988. - № 12. - С. 85-91 (рассказ награжден премиями «Хьюго» и «Небьюла»)

3. **Принцип оборотня**: Роман /Искатель. - 1989. - № 3. - С. 2-103.

Подготовил **Б.Миловидов**.